

Вера Крыжановская

МЕСТЬ ЕВРЕЯ

Вера Крыжановская-Рочестер

Местъ еврея

«Седьмая книга»

1892

Крыжановская-Рочестер В. И.

Мечь еврея / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Седьмая книга»,
1892

Насколько свободны мы в жизни и любви, если общество отвергает от рождения наше происхождение и кровь? Венгрия, вторая половина XIX столетия. История любви юной аристократки и успешного банкира, счастью которых мешают предрассудки, как окружающих, так и собственные. Как часто в погоне за счастьем мы совершаем безрассудные поступки...

© Крыжановская-Рочестер В. И., 1892

© Седьмая книга, 1892

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вера Крыжановская

Мечь еврея

Часть первая

Глава 1

Стоял прекрасный весенний день. Щегольская карета, запряженная парой кровных лошадей, мчалась по оживленным улицам Пешта и остановилась у подъезда дома аристократической части города, а ливрейный лакей отворил дверцы экипажа. Из него проворно вышел молодой человек и, слегка кивнув головой на почтительный поклон швейцара, медленно стал подниматься по широкой лестнице с золочеными перилами в первый этаж.

– Батюшка вас спрашивал, сударь, – сказал лакей вошедшему, снимая с него пальто. – Теперь он в конторе, но просил вас подождать его в кабинете.

Молодой человек, не отвечая, прошел несколько комнат и вошел в кабинет отца. Это была большая комната, убранная с претензией на роскошь. Мебель с позолотой, мягкий ковер на полу, столы, уставленные драгоценными произведениями искусства, – все это гармонировало между собой. Лишь одно огромное бюро, заваленное бумагами, и большой массивный нескороаемый шкаф свидетельствовали, что это кабинет делового человека.

Пройдясь нетерпеливо несколько раз по комнате, молодой человек бросился в кресло и, откинув голову на спинку, задумался.

Старый банкир Авраам Мейер был тип еврея, который, выйдя из ничтожества, создал себе неизвестно как огромное богатство. Родился он в жалкой лавчонке маленького провинциального города и был сначала мелким торговцем. С коробом на спине исходил он всю страну вдоль и поперек, не пропуская ни одного угла. Расчетливый и неутомимый, сопутствуемый той счастливой удачей, которая неизменно связана с работой еврея, Авраам быстро сколотил себе маленький капиталец, и счастливая спекуляция сделала из него богатого человека, а время – банкира-миллионера. Хотя он сам остался евреем душой и телом, строгим блюстителем Моисеева закона, но своему единственному сыну дал хорошее образование.

Самуил, родившийся после двенадцатилетнего бесплодного супружества и стоивший жизни матери, был идолом старика Мейера. Для него он работал, непрерывно накапливая богатство, для его образования он ничего не упустил из вида, и Самуил Мейер, надо сознаться, прекрасно воспользовался предоставленными ему средствами. Блистательно учился он сперва под руководством лучших профессоров, а затем в университете. По окончании курса наук он путешествовал, и это дало ему окончательную полировку. Он говорил на шести языках, хорошо рисовал и был прекрасным музыкантом.

Богато одаренный, но гордый и страстный, Самуил ненавидел свое еврейское происхождение, которое было причиной многих его неприятностей и замыкало ему двери действительно аристократических кругов, куда он так жаждал проникнуть.

Отец предоставил ему полную свободу. Он жил богато, занимался спортом, поддерживал отношения со своими старыми школьными товарищами и золотой молодежью, которые охотно посещали его и еще охотнее, при случае, занимали у него деньги.

Старые приятели Авраама Мейера выговаривали ему, что сын его никогда не посещал синагоги и открыто не исполнял предписанный закон, постоянно вращаясь в обществе христиан и следуя их обычаям.

Старый банкир отвечал на это со сдержанным смехом:

– Пусть веселится, пока молод! Христиане сами постараются разочаровать его в своей дружбе, а когда он отрезвится, то вернется к вере отцов, которая все же живет в его сердце. Самуилу всего 25 лет, он добросовестный работник, у него есть деловое чутье и, когда пройдут увлечения молодости, он будет моим достойным преемником.

Довольно долгое время прошло после его приезда, но он этого не заметил, занятый своими думами. Тихо приподнялась бархатная портьера, и старик с седой бородой, худой и сгорбленный, остановился на пороге и пытливым взглядом посмотрел на сидевшего в кресле и погруженного в думы Самуила.

В эту минуту тот встал и, запустив руки в свои густые волосы, задыхающимся от злобы и отчаяния голосом сказал:

– О, какое проклятие принадлежать к этой презираемой расе, клеймо которой не может стереть ни образование, ни богатство!

– Ты ошибаешься, сын мой. Золото покоряет самые застарелые предрассудки, и гордые христиане низко кланяются еврею, чтоб получить от него презренный металл, который, пройдя через наши руки, не оставляет на себе клейма. Но с каких пор, – спросил банкир, тщательно запирая за собой дверь, – тебе пришла странная мысль презирать свой народ и желать быть христианином? Или мало их бывает у нас? – заключил он с лукавой улыбкой.

– Да, у нас бывают те, у кого дела с нами или которые тебе обязаны и потому боятся тебя обижать, – сказал Самуил. – И все-таки, несмотря на наше гостеприимство, несмотря на их учтивость и мнимый тон равенства, который они принимают, в их отношении к нам звучит нота, от которой закипает моя кровь. Скольким моим старым школьным товарищам, скольким офицерам, толпящимся на наших балах, я помогал, не требуя ни гроша обратно, между тем, они, при случае, нередко давали мне чувствовать, какая пропасть разделяет нас.

– Это высокомерные и неблагодарные глупцы, как все гои, – сказал старый банкир, садясь в кресло. – Ты вот понимаешь, что эти люди приходят к нам лишь из-за материальных интересов, а между тем, сам хочешь быть членом их общества. Но ты не прав перед богом отцов наших, Самуил. Разве не дал ли он тебе все, чтобы быть счастливым и даже возбуждать зависть? Ты молод, здоров телом и духом, богат. Берегись, Самуил, провиниться перед Богом, вступая в слишком дружеские сношения с нашими врагами; они будут тебя ласкать, пока им это нужно, и оттолкнут, как нечистую собаку, как только будут в силах обойтись без тебя.

Но раз мы заговорили на эту тему, я хочу спросить тебя, сын мой, что с тобой? Вот уже несколько месяцев я с прискорбием замечаю в тебе перемену: ты бледен, рассеян, нервен и плохо занимаешься делами. Скажи, что волнует тебя?

– Можешь ли ты снисходительно выслушать меня, отец? Я знаю, мое признание покажется тебе ужасным, а между тем я погибну, если, если...

Самуил снова опустил в кресло и провел платком по своему разгоряченному лицу.

– В чем бы ты ни признался, я хочу знать истину. Ты не раз мог убедиться в моем отцовском к тебе снисхождении.

– Это правда, отец. Слушай же меня терпеливо. Около семи месяцев тому назад я был, как ты знаешь, в нашем Рюденгорфском поместье и раз утром поехал в лес, который тянется до владений графа Маркош. Вдруг я слышу крик и призыв на помощь. Я кинулся в ту сторону и увидел лошадь, лежавшую на земле вместе со всадницей. Когда я подбежал, лошадь поднялась и бросилась на меня, волоча за собой амазонку, нога которой оставалась в стремях. Я быстро схватил лошадь за повод и вынул из стремени ногу бедняжки. Испуганная лошадь кинулась в сторону, вырвалась у меня из рук и умчалась. Я наклонился к всаднице, еще лежавшей на земле, и поднял ее. Это была молодая и совершенно незнакомая мне девушка. Она была так дивно хороша, что я стоял очарованный. Шляпа ее упала, и две густые косы пепельного цвета лежали в беспорядке на ее плечах. Вдруг я увидел капли крови на ее лбу.

– Вы поранились при падении? – спросил я взволнованно.

Она подняла на меня испуганные глаза, но ничего не ответила. Полагая, что от испуга она не может говорить, я нашел необходимым освежить ей голову и перевязать ее рану. Неподалеку был ручей; я поспешил к нему и, смочив в воде мой платок, бегом вернулся обратно, но нашел молодую девушку без чувств. Я смочил ей виски, перевязал рану, которая, впрочем, была незначительной, но ничто не помогало: она не приходила в себя, и это ставило меня в большое затруднение. Я не знал, кто она и где живет, а оставить ее одну боялся. Наконец, подняв ее на руки, я бережно понес ее к нашему дому и не мог налюбоваться прелестным созданием. Когда я, запыхавшись, подошел к дому, и прислуга наша увидела в моих руках бесчувственную девушку, мне помогли положить ее на диван. Вдруг мой камердинер Стефан, принесший подушку, сказал:

– Да это молодая графиня Маркош, сестра графа Рудольфа; я знаю ее камеристку Марту, да не раз видел и графиню.

– Если так, – сказал я ему, – то пошли скорей верхового известить графа, что сестра его спасена и находится здесь.

– Граф Рудольф не гусарский ли офицер, который часто бывает у тебя? – спросил старый Мейер. – Его отец камергер двора?

– Да, это он.

– А ты даже не знал, что у него есть сестра? – сказал Авраам с насмешливой улыбкой. – Ты, может, тоже не знаешь, что оба запутались в долгах, и в моем портфеле немало векселей отца и сына. Но продолжай.

– Наконец Валерия, так зовут графиню, открыла глаза и искренне благодарила меня за спасение жизни.

– Вы преувеличиваете, графиня, – сказал я смеясь. – Вся моя заслуга заключается в том, что я пришел вовремя.

Узнав, что я уведомил домашних, она протянула мне руку с такой добротой, улыбаясь, что я совсем был очарован. Затем она приняла мое предложение выпить что-нибудь прохладительное и рассказала, что получила образование в Швейцарии, провела затем целый год в Италии, недавно приехала в деревню и надеется, что мы будем добрыми соседями. Я с восторгом слушал ее, и когда ее лазурные глаза, ясные и радостные, взглянули на меня, то сердце мое забилося тревожно: я был околдован.

Приезд графа Рудольфа прервал нашу беседу. Он поцеловал сестру, дружески поблагодарил меня за оказанную помощь и присланное мною уведомление, которое их успокоило, так как лошадь Валерии прибежала вся в пене и с окровавленными коленями. Затем он сказал, что надо скорей успокоить отца, и подал руку сестре. Я проводил их до крыльца, и Валерия, прощаясь со мной, сказала:

– Надеюсь, мы будем часто видеться с вами. Папа будет счастлив, выразить вам свою благодарность; без вашей помощи я разбила бы себе голову о камни и корни деревьев.

Тут я заметил, что граф с удивлением посмотрел на сестру и ни одним словом не подтвердил ее приглашения.

– Валерия! – сказал он, покручивая усы. – Вероятно, ты еще не знаешь, кто был твоим спасителем. Так позволь же мне представить тебе Самуила Мейера.

Тон был спокойный и равнодушный, а между тем, в нем звучало нечто, поразившее и меня, и молодую девушку. Она пристально взглянула на брата и, не сказав больше ни слова, прыгнула в экипаж. Рудольф сел проворно вслед за нею, приложив руку к козырьку и хлестнув лошадей. Я вернулся домой унылый: я понял тонкое внушение брата и угадал его результат. Рассудок и гордость заставили меня забыть этот случай, но воспоминание о Валерии лишило меня покоя; день и ночь мне виделось ее прелестное лицо, ее очаровательная улыбка. Движимый неодолимой силой влечения, я отправился на виллу Маркош. Мне сказали, что оба графа уехали в город, а графиня никого не принимает, так как не совсем здорова, что, впрочем, не

мешало ей в тот же вечер поехать на прогулку. Было ясно, что меня не хотят принять, но я решился поехать еще раз, и... опять не был принят. Мне ничего более не оставалось, как молча снести незаслуженное оскорбление.

Но, знаешь ли, отец, несмотря на обиду, я не мог побороть овладевшее мною чувство, с жадностью искал случая видеть Валерию и часто встречал ее на катании, прогулках или в театре. Рудольф бывал у меня иногда, как ни в чем не бывало, но никогда не говорил о сестре. Вчера вечером у барона Кирхберга мы неожиданно встретились. Она покраснела и избегала моего взгляда, но я не хотел упустить случая объясниться. Воспользовавшись минутой, когда она была одна в зимнем саду, я подошел к ней.

– Простите, графиня, что я вас беспокою, – сказал я, кланяясь ей, – но мне бы хотелось знать причину вашей перемены ко мне. Почему, после того, как вы отнеслись так приветливо ко мне и пригласили к себе, меня не принимают, когда я к вам являюсь.

Она побледнела и смерила меня презрительным взглядом.

– Вы желаете объяснения, хотя было бы лучше избежать его, – сказала она таким надменным, ледяным голосом, которого я не предполагал даже возможным в ее устах. – Я ценю оказанную вами услугу и, уважая ее, извиняю, что вы позволили тогда себе фамильярное обращение со мной, которое заставило меня предположить, что вы один из наших соседей-дворян. Узнав, что я ошиблась, я поступила, как должна была поступить. Круг нашего общества отличается строгой замкнутостью, господин Мейер; я обязана щадить шепетильность тех, кто посещает дом моего отца, и не могу заставить их встречаться с лицами, с которыми их разделяют расовые предрассудки.

При этих словах, на которых она сделала ударение, ясно доказывавших мне, что я не был ей парой в глазах боготворимой мной девушки и всей ее гордой касты, вся кровь бросилась мне в голову, и потемнело в глазах. Она, конечно, заметила, так как, изменив тотчас тон, дотронулась до моей руки и сказала с участием!

– Как вы бледны, господин Мейер, не больны ли вы?

Я отступил как ужаленный змеей.

– Вы увлеклись, графиня, и замарали себя прикосновением к человеку, который так неизмеримо ниже вас. Позвольте мне извиниться и выразить вам сожаление в том, что я спас вас из-под копыт лошади, не подумав, что человек моей расы оскорбляет людей высшего сословия, оказывая им услугу. Это послужит мне уроком, который я никогда не забуду. Еще один вопрос, и я вас оставляю в покое, – сказал я, заметив ее досаду. – Вы от вашего брата узнали о шепетильности вашего общества и о различии между людьми, создаваемом предрассудками расы?

– Да, Рудольф заметил мне, что я поступила бестактно.

– А известно ли вам, в каких отношениях он сам находится со мной?

Валерия покраснела и бросила на меня негодующий взгляд.

– Брат сказал мне, что знает вас и ездит к вам потому, что имеет дела с вашим банком, и что мужчине вообще можно не быть столь требовательным, как женщине, в своих знакомствах.

Между тем, я вынул из бумажника письмо, полученное от Рудольфа недели две тому назад, в котором он просил у меня крупную сумму денег для уплаты карточного долга, умоляя вытащить его из этого критического положения, и называл меня своим другом.

– Не угодно ли вам убедиться, графиня, что ваш брат широко пользуется этой привилегией мужчины и что его сословные предрассудки не простираются на золото.

Покраснев до ушей, Валерия схватила письмо и пробежала его глазами. Прочитав подпись: «Преданный и признательный вам», она молча, кусая губы, подала мне листок, но я отстранил ее руку.

– Оставьте у себя это письмо, оно лучше всего скажет вам, заслуживаю ли я презрения за то, что спас жизнь сестре и помог брату в трудную минуту, не думая о своей личной выгоде, так как граф не возвратит мне этой суммы, его дела мне известны.

Не дав времени что-либо ответить, я ушел, но поехал не прямо сюда, а в нашу загородную виллу. Чтобы прийти в себя, мне необходимы были воздух и движение.

Самуил замолчал в изнеможении и отбросил рукой свои черные кудри. Старый банкир слушал его, не прерывая. Поглаживая рукой свою седую бороду, он поглядывал время от времени на сына с чувством сострадания и затаенной радости.

– Что же ты хочешь теперь делать? Желаете, полагаю, истребить это отродье? – спросил он после некоторого молчания.

– Да, отец, но иначе, чем ты полагаешь. В настоящую минуту я желал бы только иметь в руках все обязательства и векселя обоих графов. Поможешь ли ты мне в этом?

– Отчего же, желание справедливое. Ведь ты мой единственный наследник. Позвони Леви, и мы устроим это дело к полному твоему удовольствию.

Минут десять спустя, в кабинет вошел пожилой еврей, то был Иозеф Леви, главный уполномоченный банкирского дома.

– Любезный Леви, – сказал банкир, отвечая легким кивком головы на глубокий поклон своего поверенного, – я желаю приобрести все долговые обязательства и векселя графов Маркош, отца и сына. Переговорите со всеми, у кого могут быть такие бумаги. Даю вам шесть недель срока для этой операции и вознагражу вас за труд.

– Вы знаете, господин Мейер, что ценность этих документов весьма сомнительна, – заметил агент. – Оба графа игроки; земли их заложены, и я считаю их почти несостоятельными.

– Это не меняет моего решения. Достаньте эти бумаги, хотя бы это стоило нам больших убытков. Когда все документы будут собраны, вы передадите их моему сыну, так как это дело касается собственно его.

– Теперь, – обратился он к Самуилу, – пойди, мой друг, отдохни. Ты сегодня не в силах заниматься, не правда ли? А я буду работать за двоих.

* * *

Недели через три после приведенного нами разговора Валерия Маркош сидела с подругой графиней Антуанеттой фон Эберштейн в своем прелестном будуаре, обтянутом голубым атласом и украшенном множеством самых редких цветов.

Молодые девушки представляли полнейший контраст. Стройная, нежная, грациозная Валерия, с ослепительно белой кожей и пепельными волосами, прозванная «феей», казалась ребенком возле высокой, величественной Антуанетты с густыми черными косами, огненными глазами и энергичным лицом.

Подруги с детства, воспитанные в одном пансионе, они искренне любили друг друга и проводили вместе целые недели, так как в доме графа на Антуанетту смотрели как на близкую родственницу.

Антуанетта казалась озабоченной. Перелистывая художественный журнал, она бросала время от времени пытливый взгляд на свою подругу, лежащую на маленьком диване и задумчиво устремившую глаза в пространство. Хотя было около двенадцати часов, но Валерия была еще в белом пеньюаре, и ее маленькая ручка рассеянно играла кистями кушака, охватывавшего ее талию. Вдруг Антуанетта отбросила журнал и порывисто встала.

– Нет, это невозможно! Что с тобой, Валерия? Не без причины ты бледна, грустна и постоянно задумчива. Скажи мне правду. Ведь мы клялись не иметь тайн друг от друга.

Валерия вздрогнула.

– Какая ты порывистая, – проговорила она, приподнимаясь и привлекая подругу к себе на диван. – Впрочем, ты права, я ничего не должна скрывать от тебя. Но поклянись мне, сохранить в тайне то, что я тебе скажу, так как мое горе вызвано беспокойством о делах Рудольфа.

Густая краска покрыла щеки Антуанетты, но поглощенная своими собственными мыслями, Валерия ничего не заметила и продолжала:

– Да, я скажу тебе все, но должна начать с происшествия, случившегося со мною в конце прошедшего сентября, за три недели до твоего возвращения.

– Я знаю, ты упала с лошади. Твой брат говорил мне об этом. Но в этом падении не было ничего опасного, и оно не имело влияния на твое здоровье.

– Ты ошибаешься, я рисковала жизнью. Но ты не знаешь, кому я обязана тем, что все кончилось так счастливо. Я никогда не называла имени этого человека, так как оно неприятно отцу и брату.

– Вот странно! А между тем, это правда: никто не произнес имени того, кто тебе оказал помощь.

– Я расскажу тебе все подробно, – проговорила Валерия нерешительно. – Когда Феб споткнулся, я упала и так сильно ударила головой о землю, что у меня потемнело в глазах. Смутно чувствовала я, что лошадь поднялась на ноги и волочила меня, так как нога моя застряла в стремени, а, очнувшись, увидела себя в объятиях красивого молодого человека, который усаживал меня под деревом, но тут я лишилась чувств. Когда я окончательно пришла в себя, то лежала уже на диване, возле меня на коленях стоял тот же молодой человек и давал мне нюхать спирт; по другую сторону стояла почтенная старушка, вероятно, ключница. Тут я заметила, что мой спаситель красив, но цвет и форма его лица обличали в нем иностранца.

Он предложил мне пить, занимая меня, и я, не стесняясь, отдавалась той симпатии, которую он мне внушал, так как, судя по его манерам и богатству мебелировки, я думала, что имею дело с равным. В знак благодарности я протянула ему руку, и он поцеловал ее восторженно, что заставило меня покраснеть. Вскоре приехал извещенный обо всем случившемся Рудольф, и я, прощаясь с незнакомцем, спасшим мне жизнь, просила его бывать у нас, но вообрази себе мое смущение, когда Рудольф, взглянув на меня – ты знаешь этот взгляд – представил мне моего спасителя: это был Самуил Мейер.

– Как! Самуил Мейер, сын еврея-миллионера, – воскликнула Антуанетта и с хохотом упала на диван. – Бедная Валерия! Понимаю, в каком ты была положении: он тебя нес на руках. Фи! Твоя хорошенькая головка лежала на его груди или плече! Конечно, это возмутительно.

– Это еще ничего. Но возмутительнее всего было узнать, что человек с такой наружностью и отличными манерами был чистокровный еврей, даже некрещенный, – сказала Валерия нетвердым голосом.

Антуанетта с удивлением взглянула на разгоряченное и взволнованное лицо подруги.

– Неужели, Валерия, ты действительно думаешь, что крещением можно уничтожить происхождение человека?.. Однако я все еще не вижу причины твоего горя.

– Дай мне кончить. Два раза Мейер приезжал к нам, но по приказанию отца и Рудольфа его не приняли.

– Надеюсь, ты ничего не находишь против такой благоразумной меры? – перебила ее Антуанетта. – Благодарю за удовольствие встречать в вашем салоне человека, который, конечно, распространяет неприятный аромат, свойственный его расе! Не гляди на меня с таким удивлением, наследственность этого запаха – факт.

– Нет, нет, – возразила Валерия, смеясь от души. – Мейер не распространяет никакого дурного запаха. Он был слегка надушен, как каждый из нас, и прекрасно одет.

– Смотри, Валерия, ты что-то очень защищаешь этого еврея, и я начинаю подозревать тебя кое в чем, – заметила Антуанетта с притворным беспокойством.

– Не бойся, пожалуйста, и выслушай самое главное. Недели три тому назад я неожиданно встретила Мейера у барона Кирхберга. Поверишь ли, что он крайне развязно стал требовать от меня объяснения, отчего, пригласив его, я ни разу его не принимала?

– Это слишком. И как в этом виден еврей, особенно, если он не подозревал причины отказа.

– Представь, милая Антуанетта, мне кажется, что он не подозревал. Я была тем более взбешена этой настойчивостью, что он заставил меня краснеть за мою неблагодарность, так как, действительно, стыдно указать на дверь человеку, который спас тебе жизнь.

– А как иначе, когда это еврей! – возразила Антуанетта.

– Конечно, но тем не менее, я была раздражена и дала понять ясно, что ему не место в нашем доме. Он был оскорблен. Смертельная бледность покрыла его лицо; я думала, что он упадет, и мне хотелось успокоить его словом участия. Он говорил об уважении, которое внушает еврейское золото, а глаза его пылали презрением и злобой, когда он подал мне письмо Рудольфа, в котором тот просил у него в долг крупную сумму денег и называл своим другом. В заключение он намекнул, что наши дела очень плохи, и ушел прежде, чем я успела прийти в себя.

Валерия быстро встала, подошла к письменному столу.

– Я не решилась отдать это письмо Рудольфу, хотя знаю, что он не уплатил долг.

Дрожащей рукой Антуанетта схватила листок и, пробежав его глазами, спросила:

– Почему ты знаешь, что этот долг не погашен?

– Ты не заметила, – сказала Валерия. – Вот читай:

«Дорогой Самуил, это письмо будет ручательством, что я уплачу вам долг при первой возможности. Тогда вы возвратите мне эту записку, которая, я знаю, остается в надежных руках».

– Это надо узнать! Может быть, твой брат заплатил свой долг этому наглому ростовщику, а письмо позабыл взять: молодые люди так неосторожны! – говорила Антуанетта, видимо, принимавшая самое живое участие в делах молодого графа.

– Какой важный вопрос волнует вас? – спросил звучный голос, и Рудольф, весело улыбаясь, подошел к собеседницам, которые поглощены были своими разговорами, а потому не заметили его появления. – Не могу ли я быть судьей в вашем споре? Щеки твои горят, Валерия, а вы... – он вдруг замолчал, вспыхнув до ушей, и выхватил листок из рук Антуанетты. – Каким образом это письмо попало в ваши руки? – глухим голосом спросил граф. – Неужели Мейер имел дерзость обратиться со своими требованиями к Валерии?

– Нет, нет, он дал мне это письмо по иному поводу. Слушай...

И молодая девушка передала брату свой разговор с банкиром на вечере у барона Кирхберга.

Рудольф слушал ее, опустив голову и покручивая свой тонкий ус.

– Все же, Валерия, ты напрасно так явно выказала пренебрежение этому человеку. Конечно, это – еврей, но он миллионер, а ты не знаешь, и понять не можешь, как много он может сделать нам зла, – заметил, вздыхая, молодой человек.

– Он не стеснясь дал мне понять, что дела наши расстроены. Отдал ли ты ему, по крайней мере, ту сумму, о которой говорится в этой записке? – спросила с беспокойством Валерия.

Рудольф ответил не вдруг.

– Надеюсь скоро уплатить.

– Не скоро, а сегодня же надо расплатиться с этим ростовщиком! – вскричала, горячась, Антуанетта и, схватив за руку графа, продолжала:

– Рудольф, вы мой друг детства, и если сохранили хоть каплю привязанности ко мне, то позвольте избавить вас от этого гнусного обязательства. Я имею в настоящую минуту достаточную сумму денег, возьмите ее и расплатитесь с Мейером и, когда будет можно, вы возвратите мне эту безделицу. Скажите скорей, что вы согласны, в память всех тех сладостей, которыми мы, бывало, так часто делились между собой.

В ее глазах было столько горячей мольбы, что Рудольф, вполне побежденный, прижал к своим губам ее ручку.

– Можно ли отказаться от того, что предлагается таким образом? Принимаю с благодарностью, так как я предан вам душой и телом.

– Благодарю, благодарю вас, я понимаю, Рудольф, чем вы жертвуете в эту минуту, – сказала молодая девушка, краснея. – Теперь до свидания, друзья мои, карета ждет меня, я поеду и вернусь назад. Успокойся, моя маленькая фея, все устроится.

В эту минуту лакей приподнял шелковую портьеру и доложил:

– Иозеф Леви, агент банкирской конторы «Мейер и сын», пришел к его сиятельству, но узнав, что графа нет дома, просит вас принять его, так как дело не терпит отлагательства.

– Хорошо, проведите его в мой кабинет. Пусть подождет. Я приду.

Глава 2

Посадив Антуанетту в карету, Рудольф поспешно направился в свой кабинет. Остаток пережитого волнения докипал еще в нем, и на лице разлито было холодное надменное выражение. Он едва ответил на глубокий поклон Леви и, бросив на стол свою записку к Самуилу, сказал глухо:

– Ваш хозяин, вероятно, желает напомнить мне содержание этого письма, с которым он поступил довольно опрометчиво? Успокойте его и сообщите, что сумма, означенная в записке, будет ему сегодня уплачена сполна.

Он сел и взял книгу, показывая тем, что аудиенция окончена, но так как еврей не уходил, Рудольф взглянул с удивлением.

– Прощайте, господин Леви... Я очень занят.

– Мне весьма жаль, граф, что беспокою вас так не вовремя, – сказал агент, почтительно кланяясь, – я не премину передать то, что вам угодно было мне сказать, но явился я сюда по другому делу. Наш банкирский дом поручил передать его сиятельству, вашему батюшке, и вам, граф, различные долговые документы, находящиеся во владении господина Мейера, и предупредить вас, что уплата должна быть произведена в течение десяти дней.

Он вынул из своего объемистого портфеля и развернул перед изумленным молодым графом длинный список обязательств и векселей, выданных им и его отцом разным лицам в городе; сумма представляла такую крупную цифру, что у Рудольфа закружилась голова.

– Каким образом все эти бумаги попали в ваши руки?

– Они были предложены нам в уплату и приняты без затруднений нашим банком, который не сомневается в том, что долги будут погашены. Позволю себе еще заметить вам, граф, что большая часть этих бумаг просрочена и что десятидневная отсрочка делается только из уважения к его сиятельству. Честь имею вам кланяться, граф.

– Подождите!

Рудольф поспешно написал несколько строк, в которых холодно просил Самуила приехать к нему, чтобы объясниться по поводу возникновения недоразумения.

– Забыл я вам заявить, что патрон болен, – сказал Леви, принимая письмо. – Господин Мейер-сын ведет все дела, а для переговоров вы потрудитесь обратиться к нему, – и раскланявшись, еврей ушел.

Оставшись один, Рудольф в отчаянии схватился за голову. Уплатить такую сумму было невысказано, а не заплатить – значило разорение и бесчестие. Он решил сказать все отцу.

Как только старый граф вернулся домой, Рудольф тотчас вошел к нему в кабинет и выслал из комнаты камердинера.

Удивление старика сменилось отчаянием, когда он узнал, в чем дело. В полном изнеможении он опустился в кресло; в первый раз он почувствовал угрызения совести за свою расточительность. Но некогда было предаваться бесплодному раскаянию, надлежало придумать, как отвратить угрожающий удар.

Отец и сын высчитали все свои ресурсы, но и продажа серебра, фамильных драгоценностей, конюшен, экипажей и земли не дала бы надлежащей цифры, не говоря уже о неблагоприятных шансах, неизбежных при спешной продаже. Конечно, еврей бы мог выручить свое, продав все с аукциона, но что их ждет после такого скандала? Нищета и беславие, а для Рудольфа неизбежность отставки.

Они обратились к ростовщикам, но безуспешно, мрачное отчаяние овладело ими, тем более, что ответа на письмо молодого графа не последовало.

Через день после того в городе распространилась неожиданная весть; Авраам Мейер внезапно умер от апоплексического удара. Через два дня после погребения старого банкира

Рудольф получил лаконическую записку, в которой Самуил извещал, что если граф желает с ним переговорить, то найдет его от 11 до 3 часов дня в конторе.

Скрепя сердце, отправился молодой граф к Мейеру.

Его тотчас провели в кабинет банкира, который встал ему навстречу и церемонно предложил стул. Оставшись одни, молодые люди с минуту молчали. Смерть отца, по-видимому, сильно подействовала на Самуила, он побледнел, похудел, и глубокая складка легла между бровей, выражение лица было угрюмо.

– Мне очень тяжело, господин Мейер, – начал Рудольф с глухим раздражением, – говорить о деле, по которому я пришел, и позвольте вам сказать, что я знаю причины, заставляющие вас так действовать. Нехорошо с вашей стороны из мести к такой девочке, как моя сестра, разорять семью, чтобы заставить ее нищетой и бесславию заплатить за оскорбительные слова.

– Вы забываете, – перебил холодно банкир, – что эти слова вашей сестры были внушены ей братом.

– Ну да, сознаюсь, я причина оскорбления, нанесенного вам Валерией, но, господин Мейер, я не первый и не последний из нашего общества следую предрассудкам, к которым издавна евреи дают повод.

– От вас, граф, зависит покончить дело миром, и я полагаю, что до сего дня не давал вам повода жаловаться на неприятные свойства, которые вы приписываете нашему племени.

– О, если вы предлагаете дружелюбное соглашение, – оживляясь, сказал граф, – то я от всего сердца извиняюсь за причиненное вам оскорбление. Дайте нам годовую отсрочку, мы переменим образ жизни, продадим, что можем, без большого убытка и тогда уплатим вам все сполна.

Презрительная усмешка скользнула по лицу Самуила.

– Вы ошибаетесь, граф, речь идет не об извинении между нами, я не даю вам ни часа отсрочки и, если через три дня вы не заплатите, наложу запрещение на все ваше имущество. Но есть еще третий выход, и от вас зависит к нему прибегнуть. Тогда я сожгу все документы и ничего не потребую от вас.

Рудольф глядел на него в недоумении.

– Я вас не понимаю, – проговорил он. – Что же вы от нас потребуете?

Самуил нервно оттолкнул грудой бумаг, лежавших перед ним на столе, и глаза его странно вспыхнули.

– Выслушайте, граф, вот мои условия: согласитесь выдать за меня графиню Валерию, и я уничтожу все тяготеющие на вас обязательства.

Кровь бросилась Рудольфу в голову.

– Вы или с ума сошли, Мейер, или издеваетесь над нашим несчастьем! Валерия – ваша жена! Вы забываете, что вы... – он остановился.

– Еврей, – dokonчил Самуил дрогнувшим голосом. – Но я перестану быть евреем и скоро сделаюсь христианином, я намерен креститься; сверх того, я уже начал действовать, чтобы купить угасшее баронство и получить от правительства право носить титул барона. Конечно, я предпочел бы иначе получить вашу сестру; но зная, каким препятствием тому служит мое происхождение, хватаюсь за всякое средство, чтобы овладеть женщиной, которая внушила мне несчастную, безумную, гибельную страсть, доводящую человека до преступления. То, что я вам сказал, было причиной смерти моего отца. Когда он узнал о моем намерении принять христианство, с ним сделался апоплексический удар, который его убил. Но вы понимаете, что если даже такое несчастье не могло поколебать моей решимости, следовательно, никакие дальнейшие препятствия меня не остановят. Итак, я повторяю: рука вашей сестры или бесчестие. Вы имеете три дня выбора между мной и разорением. Взвесьте все хладнокровно, и мое предложение не покажется вам таким нелепым.

В эту минуту Рудольф был положительно неспособен хладнокровно обсуждать подобное предложение. Смерив банкира презрительным взглядом, он отвечал глухим и дрожащим от волнения голосом:

– Надо быть ростовщиком, чтобы взвешивать хладнокровно шансы подобной комбинации. Предположив даже, что мы настолько подлы, чтобы решиться на такую постыдную сделку, сама Валерия никогда не согласится на это... И знайте, если вы этого не знали до сих пор, что овладеть сердцем женщины можно, но купить его нельзя.

Не дожидаясь ответа, Рудольф вышел из комнаты. Он не видел, как вспыхнуло лицо Самуила и каким мрачным огнем сверкнули его глаза.

– Овладеть сердцем женщины? – подумал он с горечью. – Я попытаюсь, и какой бы то ни было ценой, но когда мне будет открыт доступ к ней...

Старый граф Маркош подумал, что лишится рассудка, когда Рудольф, вернувшись, сообщил ему о результате свидания. Чувство отвращения и оскорбленной гордости поднимались в нем при одной мысли отдать свою дочь, свою Валерию этому наглomu ростовщику.

– Ах, – проговорил он, наконец, – целые века это презренное отродье упивается христианской кровью, и этот нечистый пес, несмотря на лоск цивилизации, точно Шейлок хочет, чтобы ему заплатили человеческим мясом. У меня никогда не станет духу сказать несчастной девочке, что нам осмеливаются предлагать. Требовать от нее такой жертвы, это все равно, что требовать ее смерти. И подобный исход такое же бесчестие, как и разорение.

– Я того же мнения, отец, и тоже не могу сказать правду Валерии. Я полагаю, что пуля более честным образом положит конец всем затруднениям.

Старик беспомощно поник головой. Как он проклинал в эту минуту увлечения молодости, все безрассудства зрелого возраста и дурной пример, которым вовлек своего сына в водоворот беспутной жизни и расточительности.

А предмет всех этих волнений – Валерия – не знала еще, какая гроза собирается над ними, тем не менее, волнение и мрачная задумчивость отца и Рудольфа не ускользнули от ее внимания. Какой-то неопределенный страх, не то предчувствие беды овладели ее душой, и только присутствие подруги поддерживало ее, но когда в день рокового свидания Рудольфа с Мейером оба графа не вышли к обеду, мучительная тревога Валерии возросла до крайних пределов.

– Я тебе говорю, готовится что-то ужасное, нам грозит какое-то несчастье, – говорила она приятельнице. – Сегодня я видела с балкона, как Рудольф выходил из коляски, таким я его никогда не видела. Он шатался, как пьяный, потом я хотела идти к отцу, и меня не приняли, а теперь они оба не вышли к обеду. Боже мой! Боже мой! Что-то будет!

Сердце Антуанетты сжалось. Рудольф был для нее дороже, чем она позволяла себе сознаться, и неведомая опасность, угрожавшая любимому человеку, лишала ее покоя, но более энергичная, чем ее подруга, она решила положить конец этой неизвестности.

– Успокойся, Валерия, я напишу сейчас несколько слов твоему брату, попрошу его прийти поговорить со мной, он скажет мне правду.

Отослав записку, она вернулась к подруге, тревога которой дошла до болезненного состояния. Она уговорила ее лечь на диван, распустила ей волосы, чтобы облегчить головную боль, и прикрыла пледом ноги. Едва она это кончила, как лакей пришел ей доложить, что молодой граф ждет ее на террасе.

Рудольф стоял, скрестив руки и прислонясь к колонне. Он поднял голову лишь тогда, когда Антуанетта коснулась слегка его руки. Увидев, как он бледен, как изменился в лице, молодая девушка вскрикнула:

– Что с вами случилось, Рудольф, скажите мне, умоляю вас. – Будьте откровенны, друг мой. То, что вас волнует, не может вечно оставаться тайной, потому доверьте ее преданному вам сердцу.

– Я не достоин вашей дружбы, Антуанетта, – прошептал он сквозь зубы. – Я негодяй, так как содействовал несчастью, которое разразилось над нами. Лишь пуля может спасти меня. Но не покиньте в несчастье бедную Валерию, эту невинную жертву.

Молодая девушка глухо вскрикнула.

– Рудольф, то, что вы сказали, недостойно вас как честного человека. Вы говорите, что виноваты, но разве вину поправляют преступлением? Поклянитесь мне, что отказываетесь от этой мысли, и помните, что пуля, которая поразит ваше сердце, сразит и мое.

Граф вздрогнул, и луч радости озарил его лицо.

– Дорогая моя, вы не можете понять, что я чувствую в эту минуту. Я бы желал посвятить всю мою жизнь, чтобы составить ваше счастье, а между тем, не могу даже предложить вам честное имя, но теперь, когда вы знаете, что я вас люблю, я скажу все. Теперь вы не только подруга детства, вы половина моей души и имеете право на мое полное доверие.

Он привлек ее к себе и тихим голосом вкратце изложил ей положение дел, сообщил все перипетии последних дней, а равно и неслыханное предложение еврея.

– Вы понимаете, Антуанетта, – заключил он, – что мы не можем решиться говорить Валерии о жертве, которая равна для нее смертному приговору, но и понимаете, что трудно жить после такого бесчестия.

Молодая девушка слушала его молча и при последних словах графа побледнела.

– Нет, нет, Рудольф, повторяю вам: вину не заглаживают преступлением. Ах, будь я совершеннолетняя, я бы тотчас выручила вас, но я не могу просить у моего опекуна, хотя он и очень добр, половину моего состояния.

– Разве вы думаете, я принял бы такую жертву, – перебил ее с жаром Рудольф.

– Не сердитесь мой милый, и будем говорить спокойно.

Она провела рукой по его влажному лбу и сказала:

– Во всяком случае, ничто на свете не помешает нам соединиться, так как мы любим друг друга; но кроме того, мне кажется, мы должны все сказать Валерии, прежде чем допустим ваше разорение; словом, не отчаивайтесь. Я чувствую, что все устроится, и бог сжадется над нами.

– Мой добрый ангел, – прошептал Рудольф, прижимая ее к своему сердцу. – Бог милосерд, коли ему угодно было соединить мою жизнь с вашей в эту минуту жестоких душевных мучений. Пойдите же и сообщите об этом бедной Валерии.

– Выйти замуж за Мейера?! Но ведь это уже не жертва, а бесконечная пытка. Если бы речь шла лишь о том, чтобы умереть... но жить с противным, ненавистным человеком!..

Она быстрыми шагами ходила по будуару, то задыхаясь от рыданий, то ломая себе руки в безмолвном отчаянии. Наконец, она остановилась перед Антуанеттой, которая тихо плакала.

– Послушай, – сказала она с лихорадочным блеском в глазах. – Я не имею ни права, ни силы допустить гибель отца и брата, но каждый приговоренный к смерти может просить помилования. Я тоже хочу сделать эту попытку и сама пойду просить Мейера дать нам отсрочку, не требуя моей руки, которая не доставит ему счастья. Я сделаю это сегодня же.

– Валерия, – воскликнула в испуге Антуанетта, схватив ее за руки. – Ты хочешь решиться на такое безумие. Где и как можешь ты увидеть его?

– Я уже все обдумала, – нетерпеливо перебила ее Валерия. – Дом банкира недалеко от нашего и при нем большой сад, окруженный оградой; в переулке, который идет вдоль этой ограды, есть калитка в сад, которую запирают только после полуночи. Не гляди на меня с таким удивлением, все эти подробности рассказал мне Рудольф, не предвидя, что они мне пригодятся. Итак, я пойду туда. Самуил живет на первом этаже, и его комнаты, кажется, выходят в сад. Я встречу его и переговорю.

– Ты решаешься идти одна на свидание с человеком, безумно в тебя влюбленным?! Подвергаться такому риску – неразумно: ты слишком хороша, чтобы он мог от тебя отказаться, ты только сильнее возбудишь его пылкую страсть!

– Ты забываешь, что он хочет на мне жениться и знает, что мы в полной зависимости, – отвечала Валерия с горьким смехом, – следовательно, он будет щадить мою честь. Впрочем, – она взяла со стола маленький револьвер, подаренный Рудольфом, – вот что я возьму с собой; а для полного твоего спокойствия поедем вместе, ты останешься подле калитки и придешь мне на помощь, если я крикну. Только не удерживай меня! Как знать? Быть может, это будет безуспешно. Говорят, что слезы любимой женщины трогают самого жестокого человека, а если он меня любит, то сдастся на мои слезы. Или, быть может, гордый еврей удовлетворится моим унижением. Ах, как я ненавижу его за то, что он подвергает нас такому унижению.

– А если он не один и тебя увидят, – заметила осторожно Антуанетта. Лихорадочное возбуждение подруги пугало ее.

– Нет, нет. Кого он может принимать после смерти отца?.. Но надо спешить, уже половина десятого, и вошла луна; момент самый благоприятный. Помоги мне причесать волосы, а затем мы наденем черные плащи. Я не буду переодеваться, чтобы не привлечь внимания горничных.

Антуанетта не противилась больше. Дрожащими руками она заплела длинные косы Валерии, затем обе они, накинув на себя шелковые бурнусы и прикрыв головы черными кружевными шарфами, тихонько направились в сад.

Через калитку, которая запиралась на замок изнутри, вышли они на улицу, остановили первого попавшегося им извозчика и велели везти себя в улицу, примыкавшую к саду банкира.

Дорогой они не обменялись ни словом. Душевное состояние Валерии затмило ее рассудок. Слабая и нервная от природы, молодая графиня была лишена разумной любимой матери, которая сдерживала бы и направляла порывы ее характера. Старая родственница, воспитавшая сироту, педагогическими способностями не обладала, и потому Валерия не могла приобрести чувство того душевного равновесия, которое служит нравственной уздой, сдерживающей минутные вспышки.

Антуанетта тоже с детства осталась сиротой; это была честная, прямая, отважная натура; опасность имела для нее какую-то прелесть, и она любила решительные меры. В эту минуту сердце ее сильно билось; она сознавала, что принимает участие в таком деле, которое не должна была допустить; но романтическая сторона этого поступка прельщала ее, надежда спасти Рудольфа, устранив вместе с тем компрометирующее супружество, победила ее последние колебания.

Экипаж остановился, они вышли, приказав кучеру ждать их на углу улицы, и почти бегом направились к калитке, которая действительно была открыта.

– Подожди меня здесь, у входа, и моли бога, чтоб он мне помог! – сказала Валерия, пожимая руку подруги, и, не дожидаясь ответа, вошла в темную аллею, окаймленную вековыми деревьями.

С каким отчаянием Валерия решила идти вперед, стараясь ориентироваться в густых аллеях незнакомого ей сада, чтобы найти дорогу к дому. Вдруг она очутилась на открытой лужайке, освещенной восходящей луной, и остановилась. Фонтан в мраморном бассейне был окружен цветниками; мелкие тропинки извивались меж группами кустов, деревьев и статуй и вели к террасе, примыкавшей к дому. На этой террасе, тоже украшенной растениями, облокотясь на стол, заваленный книгами и бумагами, сидел человек; лампа ясно освещала его задумчивое лицо. Возле стола лежала большая собака, вытянувшись на циновке.

Валерия остановилась, словно прикованная к земле, и, шатаясь, оперлась на пьедестал статуи. О чем думал этот ужасный, ненавистный человек? О своем отце, убитом перспективой крещения сына, или о новых способах уничтожить, унижить людей, обреченных им на жертву?.. Вся напускная ее храбрость мгновенно исчезла. Говорить с Самуилом, унижаться перед ним ей было стыдно и страшно; нервная дрожь охватила ее, она повернулась, чтобы бежать прочь, но тонкий слух собаки уловил шелест шелкового платья, скользнувшего по каменному пьедесталу; она поднялась, прыгнула в сад и с бешеным лаем кинулась на молодую девушку, оце-

пневшую от испуга. Самуил с удивлением поднял голову и позвал собаку; но так как она не услышала и лаяла, он сошел в сад и, увидев женщину, на которую собака продолжала кидаться, подбежал к ней, крикнув: – Прочь, Марс! – и схватил пса за ошейник.

С изумлением всматривался он в незнакомку, стоявшую неподвижно около статуи.

– Кто вы и как сюда попали? – спросил он.

Не получая ответа, он пожал плечами.

– Вы немая? Что вам здесь надо?

– Вас, – отвечала Валерия, выступая вперед и сбрасывая с головы кружевную косынку.

Ею снова овладела та отчаянная решимость, которая привела ее сюда. Узнав Валерию, Самуил отступил назад, как громом пораженный.

– Вы здесь, графиня, и в такую пору? О, я чувствую, что не мир принесли вы мне.

– Вы ошибаетесь, господин Мейер, я именно пришла предложить вам мир, если вы желаете его принять, – отвечала Валерия тихим голосом. – Умоляю вас, дайте отцу отсрочку, чтобы он имел возможность уплатить долг, и я всю жизнь буду благодарна вам. Я пришла умолять вас об этом! – И она с мольбой протянула к нему руки.

Самуил не сводил взгляда с прелестного лица, которое от волнения стало еще краше; но при ее последних словах, он нахмурился.

– Я вижу, графиня, – сказал он глухим, но спокойным голосом, – что ваш отец все сказал вам, значит вам известно, что в ваших руках – спасение вашей семьи.

– Но какой ценой? То, что вы требуете, – невозможно.

Молодой человек горько улыбнулся.

– Что делать! Счастья всегда трудно добиваться! А вы думаете, что я меньшей ценой приобретаю ту, которую безумно люблю?

– Ах, пожертвовать золотом или продать свою душу, разве можно сравнить одно с другим? – прервала его Валерия. – Вы ни во что ставите унижение и душевную муку целой жизни, вы, который рискует только деньгами. Конечно, для человека вашей расы эта жертва самая тяжелая, и я удивляюсь, что вы настолько уклонились от обычного пути и полюбили разорившуюся христианку, – заключила она презрительно.

– Вы правы, графиня! Безумно искать руки женщины, которая бросает презрение в лицо любящему ее человеку. Но вы глубоко ошибаетесь, думая, что человек моей расы не может жертвовать ничем кроме золота, которое христиане так искусно мотают. Я отдал более того на ваш жертвенник, графиня, я сложил жизнь моего отца, заявив ему, что сделаюсь христианином, и он не мог пережить мысли, что сын его отрекается от своей веры, народа и семьи. Позвольте вам еще заметить, что никто не ответственен за случайность своего рождения в той или другой среде; уже давно, по склонности и по привычке, я чту христианский обычай, а образование, которое способно действительно разделить людей, делает меня равным вам. Я не могу понять, отчего кажется возмутительным мое желание жениться на христианке, которая не приносит мне ничего, кроме самой себя, и которой я жертвую своей религией, а ее семье возвращаю спокойствие и состояние, так как я ее единственный кредитор. Моя жертва добровольная, графиня, но не меньше вашей, и я приношу ее из любви, что служит вам гарантией на будущее; а при нынешних обстоятельствах вы, конечно, можете попасть в худшие руки. Вы думаете, – заключил он с горечью, – что среди вас нет дурных мужей и людей бесчестных?..

При этих словах, показавших, что решение банкира осталось непоколебимым, нервное возбуждение Валерии достигло апогея; дрожь пробежала по телу, сердце ее забилося, а отчаяние и бешенство почти лишили ее рассудка.

– А! Вы безжалостны, – воскликнула она, схватившись за голову обеими руками, – и я напрасно пришла к вам. Все, что вы говорите мне, никогда не сотрет вашего рождения, и всегда скажут, что я вышла замуж за еврея. Поймите же, что никакое богатство, никакое образование не могут заполнить подобную пропасть! Боже мой! Ведь вы же можете найти себе другую жену;

если действительно ваша любовь ко мне так велика, как вы говорите, то спасите мою семью, но не принуждайте меня к супружеству, которое внушает мне непобедимое отвращение. Будьте великодушны, господин Мейер, и я буду думать о вас как о друге с... – голос изменил ей.

– С отвращением, – горько усмехаясь, подсказал Самуил, сраженный четким и неосторожным признанием молодой девушки.

– Нет, нет, с благодарностью, – перебила его Валерия. – Я хочу верить в ваше великодушие...

Почти не сознавая того, что она делает, Валерия опустилась на колени.

– Вот, я на коленях умоляю вас: убейте меня и удовлетворитесь моей смертью взамен спасения моей семьи.

Самуил вздрогнул и провел дрожащей рукой по своему влажному лбу. Он хотел кинуться поднять молодую девушку, но удержался и отступил назад; в глазах его горела то злоба, то страсть, когда он глухим голосом с глубокой горечью отвечал ей:

– Я не смею, графиня, поднять вас моими нечистыми руками и должен вынести стыд видеть женщину у моих ног, женщину, которая предпочитает смерть моей любви. Но, несмотря на все эти оскорбления, я не отказываюсь от вас, потому что люблю вас такой, какая вы есть – бессердечной, жестокой и ослепленной несчастными предрассудками. Я вас не убью, потому что хочу, чтобы вы жили для меня.

Валерия быстро встала; причем накидка ее соскользнула на землю, но она этого не заметила и со сверкающими глазами подняла руку.

– Будьте же прокляты вы и все, что вы предпринимаете, безжалостный человек, – крикнула она прерывистым голосом, а затем повернулась и кинулась в аллею, ведущую к выходу; но силы ей изменили, голова закружилась, в глазах потемнело, и она упала без чувств.

Увидев, что она упала, Самуил бросился к ней, поднял ее и отнес на скамью; заметив, что она не приходит в чувство, он положил ей под голову свернутый плащ, сам побежал к себе в комнату, оттуда принес стакан вина и флакон с солями, которые и дал ей понюхать. Спустя несколько минут, графиня открыла глаза, но ее мутный взгляд и слабость показывали, что полный упадок сил сменил ее отчаянное возбуждение. Без сопротивления выпила она немного вина, но когда Самуил хотел поставить ее на ноги, она снова бессильно опустилась на скамью.

– Что делать? – шепнул он. – Вы не подумали о том, какому риску подвергаетесь, если бы кто-нибудь встретил вас здесь? Это погубило бы вашу репутацию. Но не бойтесь, – присовокупил он, наклоняясь к ней. – Скажите, как вы пришли? Есть ли с вами экипаж, ждет ли кто-нибудь?

– Возле калитки моя подруга Антуанетта, – с трудом проговорила Валерия.

Не теряя ни минуты, Самуил направился к выходу. Приотворив дверь, увидел женскую фигуру, прячущуюся в тени ниши.

– Вы Антуанетта? – спросил он тихо.

– Да, но бога ради, где Валерия? – прошептал в ответ слабый голос.

– Ей сделалось дурно от волнения, но я удивляюсь, что вы содействовали предприятию, которое могло кончиться большими неприятностями. Как вы добрались сюда?

– На углу улицы нас ждет экипаж.

– Так пойдемте. Пожалуйста, постарайтесь успокоить вашу подругу и поглядите, в состоянии ли она будет возвратиться домой.

Он вынул часы и, выйдя на улицу, старался при свете фонаря разглядеть который час.

– Без малого одиннадцать. Надо спешить. Ваше отсутствие может быть замечено.

Несмотря на все свое волнение, Антуанетта окинула любопытным взглядом молодого еврея, известного ей только по имени, в руках которого была судьба Рудольфа и ее собственное счастье. Самуил произвел на нее благоприятное впечатление: этот красивый и изящный молодой человек вовсе не отвечал представлению о грязном скаредном еврее, созданному ее

воображением. Она шла за ним несколько успокоенная; но увидев изнеможенную Валерию, с тревогой кинулась к ней.

– Фея, моя милая, как ты себя чувствуешь? Ободришь, нам надо поскорее вернуться домой. В состоянии ли ты двигаться?

– Попробую, – прошептала Валерия.

С помощью подруги она встала, сделала, шатаясь, несколько шагов, но вдруг ослабев, не могла удержаться на ногах и упала бы, если бы Самуил не поддержал ее.

– Что делать, боже мой! – воскликнула Антуанетта. – Я вижу, что все было напрасно, и вы остались безжалостны.

– Не судите меня так опрометчиво, – возразил с живостью Самуил. – Поставьте себя на мое место: были бы вы в состоянии отказаться от того, что вам дороже жизни?

– Нет, – откровенно отвечала молодая девушка, в уме которой мелькнул образ Рудольфа.

– Так будьте же снисходительны к моей слабости. Теперь я донесу графиню до кареты и провожу вас до дому. Идемте!

Не дожидаясь ответа, он поднял на руки Валерию, не оказавшую никакого сопротивления, и быстро пошел к выходу. Антуанетта следовала за ним, волнуемая различными мыслями, сильно противоречащими одна другой. С любопытством и недоверием наблюдала она за всеми движениями Мейера, и природная прямота заставила ее признать, что наружностью и манерами Самуил нисколько не отличается от молодежи ее общества. Его статная и изящная фигура не имела ничего общего с теми грязными оборванными евреями, которых ей приходилось встречать в маленьких городишках и селах, смежных с ее поместьем. На белой красивой руке банкира, резко выделявшейся на черном бурнусе Валерии, не было ни одного кольца, тогда как, по убеждению Антуанетты, у еврея все пальцы должны быть унижены перстнями.

«Право, он не так гадок, как я воображала, – думала она. – Как знать, все может устроиться лучше, чем мы ожидаем».

В эту минуту Самуил остановился; они подошли к калитке.

– Потрудитесь велеть экипажу подъехать, – сказал он тихо.

Затем он посадил в экипаж Валерию, которая, закрыв глаза, казалось, ничего не видела и не слышала, помог войти Антуанетте, сам сел на переднюю скамейку и захлопнул дверцы.

– Я должен помочь вам перенести ее в сад, у вас не хватит сил на это, – добавил он, как бы извиняясь.

Через несколько минут они остановились у сада графа Маркоша. Антуанетта вышла первая, бросила золотую монету кучеру, отворила калитку и внимательно заглянула во внутрь сада. Все было пустынно и безмолвно.

– Идите скорее, – шепнула она.

Самуил снова поднял на руки свою драгоценную ношу, и Антуанетта повела его к группе деревьев недалеко от входа, где была скамейка.

– Слава богу! Мы спасены, – сказала Антуанетта, крестясь. – Теперь, господин Мейер, позвольте поблагодарить вас и уходите скорее.

– Будьте добры, передать графине Валерии, – сказал он, – что я даю десять дней сроку, чтобы оправиться и принять окончательное решение. Скажите ей также, что она напрасно, повинясь предрассудкам, недостойным нашего века, отталкивает человека, который любит ее всеми силами души.

Глава 3

Когда калитка за ним захлопнулась, Самуил очутился на улице без пальто и шляпы, а извозчик уехал. Но все это его нисколько не смущало. Не думая о том, что своим видом будет возбуждать удивление у прохожих, он быстрым шагом направился к своему дому. Нежелание встречаться с людьми заставило его идти не по большой улице, а стороной, местностью мало освещенной и в эту минуту безмолвной и безлюдной. Он приближался к своему дому, как вдруг толкнул нечаянно человека, шедшего медленно, заложив за спину руки. Толчок был так силен, что шляпа незнакомца упала, обнажив голову священника.

– Простите, – извинился Самуил, поднимая шляпу и подавая ее негодующему священнику.

И тотчас у обоих вырвалось удивленное восклицание:

– Как! Это вы, Мейер! – сказал священник. – Вы любитель, как я вижу, ночных прогулок и к тому же без шляпы! Ого! Это немного странно для такого делового, главное, строгого человека. Говорю это потому, что возвращаюсь от лица, очень вами обиженного, от графа Маркоша.

– А!.. Вам известно, какое дело возникло между графом и мной? – спросил Самуил с удивлением.

Он знал отца фон Роте, очень популярного в Пеште как проповедника и члена всех благотворительных обществ, но не знал, что он имеет сношения с семейством графа.

– Я духовник его семьи, – отвечал священник, – и напомним вам, господин Мейер, хотя не имею на то права, что ваша религия, равно как и наша, запрещает быть безжалостным к ближнему. Впрочем, то, что вы требуете, невозможно исполнить.

На мгновение легкий румянец показался на лице Самуила.

– Отчего же? – спросил Самуил, останавливаясь, так как они подошли ко входу в сад. – Я хочу принять крещение, и полагаю, что мысль обратиться в христианство и вырвать душу из осуждаемого вами вероучения должна была вам улыбаться, преподобный отец.

Священник покачал головой.

– Ваше намерение, конечно, похвально; вероятно, как большинство единоверцев, вы присоединяетесь к протестантскому исповеданию, которое, по-моему, та же ересь, что и закон Моисея.

– Вы ошибаетесь, преподобный отец, я хочу сделаться католиком, чтобы быть одной веры с той, которую люблю. Если графиня согласится на мое предложение, то я буду просить вас взять меня в ученики и преподавать мне догматы вашей религии, а пока не откажите принять мои пожертвования, которые я желаю раздать бедным, так как я не бессердечный человек и лишь необходимость заставляет меня быть настойчивым относительно графа Маркоша.

Лицо фон Роте осветилось приветливой и ласковой улыбкой. Это был не злой человек, но фанатик; извлекать души человеческие из ада ереси и расширять круг своей благотворительности, было целью его жизни. Мысль о таком громком обращении в христианство, как обращение банкира-миллионера, привела его в восторг, а перспектива крупных пожертвований его богатейшего ученика подавила последние его колебания.

– То, что вы сказали, друг мой, совершенно изменяет мое мнение. Конечно, я не оттолкну душу, сознавшую свои заблуждения и ищущую спасения в нашей святой церкви; в таком случае положитесь на меня. Но здесь не место говорить о столь важных предметах, приходите ко мне завтра, и мы обстоятельно побеседуем с вами.

Самуил поблагодарил священника за его добрую готовность; затем они раскланялись, один почтительно, другой приветливо, и разошлись.

– О, Валерия! – проговорил Самуил, войдя к себе. – Во что еще вовлечет меня безумная любовь к тебе!

* * *

На следующий день Валерия проснулась поздно после тяжелого лихорадочного сна. Луч солнца, пробиваясь сквозь оконные занавески, скользил по ковру, озарял таинственным полусветом этот девственный уголок, обитый белым атласом и украшенный множеством драгоценных безделушек.

Усталым взглядом обвела она знакомую обстановку.

Голова ее была без мысли, а на сердце тяжело. Она смутно помнила, что лишилась чувств во время вчерашнего свидания, но как попала домой, она не помнила.

Валерия приподнялась и раздвинула занавески постели. Подле кровати спала в креслах бледная и усталая Антуанетта, а на стуле валялись черный плащ и кружевная косынка, которые были на ней накануне. И глубоко вздохнув, она откинулась на подушки.

– Бедная Антуанетта! Она, как сестра, делит со мной все муки. Но как ужасна моя судьба!..

Несколько крупных слезинок скатились по щекам. Напрасно было ее унижение, грозный призрак разорения по-прежнему держал занесенную руку над теми, кого она любила.

В ее воображении с ясностью рисовался скандал продажи с публичного торга их имущества, бесчестье, которое вынудит отца и брата покинуть службу, и, наконец, болтовня знакомых, любопытно-злорадные взгляды «подруг», завидовавших ее красоте и успеху в свете... А разве меньше станут потом насмехаться и шушукаться, когда она выйдет за еврея? С каким видом будут принимать госпожу Мейер? Холодный пот выступил у нее на лбу. «Что делать? Боже мой, что делать?..» – с тоской думала она. Вдруг ее мысль перенеслась на Самуила и, сама не зная почему, она стала сравнивать его со старым, скупым и потрепанным жизнью генералом, собиравшимся на ней жениться, но который не стал бы, разумеется, платить семейных долгов. Рядом с этим накрашенным старичком, порочным и напыщенным эгоистом, бледный мужественный молодой человек значительно выигрывал. Ах, если б только его происхождение не внушало непобедимого отвращения.

– Христос, помоги мне и просвети, – прошептала она, молитвенно складывая руки и с верой смотря на висевшее у кровати распятие.

Проснувшись приятельница вывела ее из тяжелой задумчивости. Увидев, что Валерия оправилась, Антуанетта приказала подать ей завтрак, а затем, когда та встала с постели и удобно улеглась на кушетке, госпожа Эберштейн рассказала ей о подробностях возвращения домой и передала последние слова Самуила, давшего ей неделю отсрочки, чтобы успокоиться и прийти к окончательному решению.

– Поэтому успокойся, соберись с силами и молись. Кто знает, может быть, в течение недели господь укажет нам выход, – закончила она.

– Не будем убаюкивать себя несбыточными надеждами, – грустно возразила Валерия. – Но ты права, я буду молиться; одна лишь вера может поддержать и просветить меня. Я завтра же пойду на исповедь к отцу Мартину.

Но желание Валерии посоветоваться с духовником сбылось скорее.

Около трех часов ей доложили, что отец фон Роте желает ее видеть.

Обрадованная неожиданным приходом духовника, она велела тотчас просить его; Валерия не знала, что он был уже на стороне презираемого претендента.

Отец Мартин действительно провел утро весьма приятно. Придя от обедни, он нашел у себя Самуила, и они беседовали часа два с лишним.

Ум, образованность и воззрения молодого еврея произвели на священника самое благоприятное впечатление. Когда, уходя, Самуил выразил желание сделать пожертвование на одно благотворительное дело, предпринимаемое аббатом, и оставил ему портфель с 30 тысячами форинтов, то пастор решил, что его обязанность спасти душу человека, обращение которого может быть так полезно церкви и бедным.

При входе отца Мартина Валерия хотела встать, но он быстро подошел к кушетке и сел рядом.

– Не вставайте, не вставайте, дитя мое! – сказал отец фон Роте. – Как вы бледны и расстроены!.. По правде говоря, я хотел поговорить с вашим отцом, но его нет дома; тут мне сказали, что вы не здоровы, и я зашел к вам... Я вижу, что вас тяготит какое-то горе. Поведайте мне его. Кто может понять его лучше руководителя вашей души. Говорите же откровенно, и я надеюсь, что господь поможет мне возратить вам покой.

С детства привыкшая поверять своему духовному отцу каждую мысль, открывать ему все изгибы своей невинной, чистой души, Валерия высказала ему все, умолчав лишь о своей вчерашней проделке.

– Ах, отец, скажите, что мне делать? – закончила она, и слезы градом хлынули из глаз. – Я считаю своим долгом спасти отца и Рудольфа, а между тем боюсь погубить душу, выходя за еретика. Так как, хотя он и решил оставить свою поганую веру, но я еще не знаю, в какое вероисповедание он перейдет.

Священник положил руку на ее склоненную головку.

– Дочь моя, отбросьте всякую тревогу, – сказал он кротко – какая жертва может быть угоднее богу готовности дочери пожертвовать своим счастьем, своей жизнью для спасения отца? Но сверх того, я должен вам сказать, что велика будет ваша заслуга перед богом, если вы похитите душу человеческую из мрака неверия. Я знаю несколько этого молодого человека; он одарен добрыми качествами, и я думаю, ему недостает только познания истины нашей веры, чтобы сделаться достойным и полезным членом церкви и общества. Чтобы вас совершенно успокоить, скажу вам, что господин Мейер уже обратился ко мне, зная что я ваш духовник; любовь внушила ему желание просветиться нашим вероучением, и он хочет, чтобы я же его крестил; все, что он говорит, заслуживает полного одобрения. Не нам судить неисповедимые пути господя, избравшего вас орудием спасения многих душ, так как я уверен, что этот урок удержит вашего брата на скользком пути мирских заблуждений.

Поднимите же смело голову, дочь моя возлюбленная, так как то, что вам предстоит совершить, отнюдь не постыдно, напротив, это подвиг высокого самоотвержения, за который вы найдете себе награду в чувства долга, свято вами исполненного.

Валерия опустила голову, и слезы полились из ее глаз.

– Да будет воля божья, – прошептала она. – Благословите меня, отец мой, и молитесь богу, чтобы он дал мне силы достойно принести эту жертву...

– Сила господня в немощных проявляется, – сказал пастор, вставая и благословляя ее. – Теперь, дитя мое, я повидаюсь с вашим отцом, – чтобы переговорить об этом важном деле.

Оставшись одна, Валерия снова опустилась на подушки и закрыла глаза. Спокойствие сменило ее тревогу. Совесть ее, по крайней мере, была спокойна, ее досточтимый духовник, слову которого она слепо верила, сказал ей, что она совершает дело, угодное богу, выручая отца и спасая душу еврея. Грозный призрак разорения и нищеты тоже навсегда отброшен, а старость отца и будущее Рудольфа обеспечены. На душе стало легче...

Но какая жизнь ожидала ее? Каково будет ее положение относительно ее жениха, ее мужа, о котором она иначе не думала как с отвращением? Новая борьба, страшная и непостижимая для нее самой, загорелась в ее сердце. Ей казалось, что жертва превышает ее силы, а между тем она ни за что не уступила бы ее никому другому. Сцена ее вчерашнего свидания воскресла в ее памяти, и в душе ее то поднималась ненависть при воспоминании унижения, которое

она вынесла, то смутная, непобедимая симпатия влекла ее к красавцу с огненным взглядом, упорная страсть которого произвела на нее магическое впечатление.

Приход Антуанетты прервал ее размышления, и они бросились друг другу в объятия.

– Все кончено, – прошептала Валерия сквозь слезы. – Добрый отец фон Роте указал мне мой долг. Это замужество дело решенное.

– Если так, то я признаюсь тебе в том, о чем до сих пор молчала, боясь повлиять на твое окончательное решение. Теперь я расскажу тебе, что со спасением Рудольфа связано и мое счастье: он признался мне в любви, о моих же чувствах к нему ты, вероятно, уже догадывалась, и мы помолвлены.

Валерия покраснела от радости.

– Ах! Вот неожиданное счастье, которое приносит моя жертва! Спокойствие отца, счастье твое и Рудольфа, разве для этого не стоит пожертвовать моей испорченной жизнью!

Антуанетта, видимо, огорчилась.

– Дорогая моя, – нежно сказала она, – отчего же ты не допускаешь возможности счастья в будущем для тебя? Почему непременно ты будешь несчастна с Самуилом, раз он обратится в христианство.

– Ах, разве я могу жить с человеком, который внушает мне отвращение, выносить его ласки и быть счастливой?..

Она вздрогнула и закрыла лицо руками.

Подруга неодобрительно покачала головой.

– Ты преувеличиваешь, фея! Я видела вчера Мейера и сознаюсь, что ты составила о нем ошибочное мнение. Он очень красивый молодой человек и даже в чертах его лица нет ничего, напоминающего отталкивающий тип его расы. У него прекрасные манеры, изящная речь, а, приняв христианство, он не будет больше евреем и сделается таким же, как и все другие.

Соображения Антуанетты окончательно успокоили Валерию, а после обеда вдвоем прежнее отчаяние сменилось восторженной решимостью.

Разговор подруг был прерван шумом шагов и бряцанием шпор.

– Вот, наконец, папа и Рудольф, – проговорила Валерия и поспешила навстречу графу, который остановился на пороге бледный, измученный.

Это был человек лет под пятьдесят, очень красивый, породистый и хорошо сохранившийся. Приятный в обществе, простодушный, хотя и безумно расточавший свое состояние, граф Маркош пользовался общей любовью, дети обожали своего снисходительного и ласкового отца.

Антуанетта подошла к Рудольфу и увела его в соседнюю комнату.

– Папа, папа, все хорошо, успокойся, развеселись и не горюй, – говорила Валерия, усаживая его на диван.

Граф не мог говорить и молча прижал дочь к своей груди.

– Дитя мое дорогое, – прошептал он, наконец, – простишь ли ты своему недостойному отцу, который, не думая о будущем своих детей, довел их до такой ужасной крайности?

Валерия встала и, ласково глядя своими ручками его волосы, хотя седеющие, но все еще густые и волнистые, любовалась отцом с трогательным выражением чувства дочерней гордости.

– Мне нечего прощать тебе – доброму, лучшему отцу в мире! Разве ты виноват, что богато одаренный богом, не можешь жить бедно, как какой-нибудь пролетарий? Нет, нет, ты ни в чем не виноват, все это устроила судьба; богу было угодно, чтобы я спасла душу человека.

Граф снова прижал ее к себе, и две горькие слезы скатились по его щекам.

– Твое великодушие, дитя мое, наказывает меня больней упрека. Но имею ли я право принять такую ужасную жертву?

– Ты должен ее принять, папа, и я охотно ее приношу, так как она обеспечивает твоё спокойствие и будущность Рудольфа, бог мне поможет, и все устроится лучше, чем мы думаем, будь только по-прежнему бодр и весел.

– Тебе это пока кажется легким, но что будет, когда наступит действительность, и как ты будешь выносить этого человека? Должен предупредить, что пытка скоро начнется. Отец Мартин был у меня и вырвал разрешение привести послезавтра Мейера к обеду. Это будет тайная как бы помолвка, а объявят о ней после крещения, которое, по мнению отца фон Роте, может произойти через пять или шесть месяцев.

– Я буду сильна, папа. Раз это неизбежно, лучше проделать все скорее, – ответила Валерия, и восторженная порывистость, которая легко овладевала ею, блеснула уже в ее глазах; в такие минуты она не признавала никаких препятствий или затруднений.

Не менее важный разговор шел между Рудольфом и его невестой. Как только они очутились вдвоем, граф обнял ее и страстно поцеловал.

– Мы спасены, моя милая невеста и в скором времени жена. Что бы я делал без тебя в таком тяжелом испытании? Повтори еще раз, что ты меня любишь!

Антуанетта положила голову ему на плечо, выпрямилась и просияла...

– Я люблю тебя, Рудольф, больше жизни, – говорила Антуанетта, – но прежде чем я окончательно отдам тебе свою руку, ты должен дать мне одно обещание. Согласен?

– Конечно. Разве ты не имеешь права требовать от меня все, что хочешь.

– Так поклянись мне своей честью и нашей любовью, что не прикоснешься больше к картам, никогда больше не подойдешь к зеленому столу, за которым вы рискуете вашим состоянием, честью и даже жизнью. Страшная жертва, которую приносит наша Валерия за вину других, не должна быть напрасной, и честь имени не должна больше зависеть от шансов игры; я не в силах буду жить, боясь постоянно, что ты на краю пропасти. Прошлое вычеркнуто и забыто; но клянись мне, если хочешь, чтобы я была твоей женой, что ты и впредь всегда будешь чувствовать ко мне доверие, которое соединило нас, что никогда не подпишешь векселя без моего согласия, и тогда спокойно и счастливо мы начнем новую жизнь. Я чувствую и в себе достаточно сил и любви, чтобы заставить тебя полюбить, порядочную жизнь, без всяких пагубных, пошлых развлечений.

Краснея, слушал ее изумленный и смущенный Рудольф, было даже мгновение, когда он почувствовал себя оскорбленным, но звуки милого голоса, полные убеждения, и глубокая любовь, горевшая во влажных глазах Антуанетты, достигли своей цели; его собственная совесть говорила ему, что она права, что жизнь спокойная и правильная лучше зла, которое он испытывал в последние дни; любовь и угрызения совести по отношению к Валерии довершили дело. В последний раз, как соблазнительное видение, вспомнилась ему игорная зала и все пережитые в ней ощущения, от которых он должен был навсегда отречься, но добрая воля восторжествовала, и он открыто взглянул в глаза невесте, с беспокойством следившей за выражением его лица.

– Антуанетта, – сказал Рудольф, торжественно подняв руку, – клянусь тебе моей честью и нашей любовью – никогда не касаться карт, никогда не скрывать от тебя ни одного моего поступка! Все, нас касающееся будет у нас общим. Близ тебя и с твоей любовью мне легко будет начать новую жизнь; если же когда-нибудь я оступлюсь, то достаточно будет напомнить мне эту минуту и имя Валерии, чтобы вернуть меня на путь истинный.

Антуанетта кинулась ему на шею.

– Я верю тебе, Рудольф, и с радостью вручаю тебе мою судьбу.

Когда молодые люди вернулись в будуар, они нашли Валерию в объятиях отца.

– Отец, – сказал Рудольф, – в дни нашего несчастья бог посылает нам радость. Я привел тебе дочь и друга, а нашей бедной Валерии сестру.

При этих словах улыбка счастья блеснула на бледном лице графа.

– Милое дитя мое, – сказал он, целуя невесту сына, – будь счастлива, будь ангелом-хранителем Рудольфа, чтобы никогда не пришлось упрекнуть ему себя в таких пагубных увлечениях, как мои.

– Он обещал мне все это, и, я знаю, он сдержит свое слово, – ответила Антуанетта, целуя руку графа. – Новая жизнь начинается для вас и ваших детей. Проведите ее всецело с нами, а мы будем развлекать, холить и любить вас.

– Я понимаю тебя, дитя мое, и ты права, остаток дней моих я посвящу вам. Господь дал мне суровый урок, заставляя принять жертву дочери.

– Дорогой папа, ты преувеличиваешь свою вину и мою заслугу. Я вполне вознаграждена за принятое решение, которое служит источником стольких благ, – сказала в свою очередь Валерия, целуя Антуанетту. – Сознание, что моя лучшая подруга становится моей сестрой, служит мне огромным утешением, и, я надеюсь, все кончится лучше, чем мы думаем.

Утром, в назначенный для помолвки Валерии день, старый граф отправился к барону Маврикию фон Гойю, опекуну Антуанетты, и формальным образом просил у него руки молодой девушки для своего сына. Достаточно было нескольких слов, чтобы покончить это дело, так как они были старые друзья и товарищи по школе. Но на замечание барона относительно расточительности молодого графа отец мрачно отвечал:

– Не бойся, Маврикий, мы с Рудольфом излечились от прежних безрассудств. Тебе, моему старому верному другу и крестному отцу Валерии, я должен сказать все.

И ничего не скрывая, он рассказал ему перипетии последних дней, сообщив и о добровольной жертве, посредством которой дочь его искупала честь всей семьи.

– Сегодня, – закончил он, – должен состояться этот постыдный торг. Отец Мартин привезет Мейера к обеду. Но при мысли, что моя невинная девочка вложит свою руку в лапу этого противного, негодного еврея, что она должна окунуться за грехи мои в эту грязь ростовщичества, в это невесть откуда взявшееся унижительное общество, – в душе все переворачивается, и я считаю себя вдвойне подлецом, терпя подобную гадость. Умоляю тебя, Маврикий, приезжай ко мне сегодня обедать, ты крестный отец Валерии, твое присутствие на ее тайной помолвке будет облегчением и для нее и для меня.

Веселое, добродушное лицо барона фон Гойя принимало все более и более серьезное выражение.

– Грустная история, бедный Эгон. И хотя ты легкомысленно спустил свое состояние, теперь не время упрекать тебя. Напротив, имей я свободные средства, то немедленно тебя выручил бы, потому что человеку в твоих летах и при твоём положении тяжело подчиниться чему бы то ни было. Но, откровенно говоря, я не нахожу это супружество таким несчастным. Я знаю Мейера, часто встречал его у моего племянника (они товарищи по университету). Это премилый молодой человек, вполне джентльмен, ничего в нем не напоминает эту грубую расу, которую мы привыкли презирать. Конечно, способ, избранный им, похвалить нельзя, но надо взять в расчет и его состояние. Чего не сделает страстно влюбленный, молодой человек, чтобы завладеть любимой женщиной, да еще, такой как Валерия... Особенно, когда глупый предрассудок мешает ему стать в ряды претендентов.

– Глупый предрассудок? – перебил граф. – Графиня Маркош и сын ростовщика. – Я знаю, что ты – атеист, Маврикий, и мне очень тебя жаль.

– Извини, я верю в существование высшего существа, творца мира, но этот предвечный отец создал всех детей своих равными и, конечно, не одобряет мелочную борьбу, которую они ведут между собой по внушению людей, из честолюбия и эгоизма именующих себя его служителями. Но довольно на эту тему, я знаю твои убеждения. Ты ошибаешься, полагая, что человек, молодой, красивый, умный и настолько богатый, чтобы купить княжество, – чем не надо пренебрегать в наше время, – неизбежно составит несчастье моей крестницы, потому только,

что он еврейского происхождения и предки его не принимали участия в крестовых походах! Молодые люди отлично могут любить друг друга и быть счастливыми.

– До сего времени, по крайней мере, Валерия ничего не питает к нему, кроме отвращения и презрения, – вздыхая, ответил граф. – До свидания, барон. За обедом ты сам увидишь, есть ли какой-нибудь шанс, что твои оптимистические надежды осуществятся.

Глава 4

– Фея, встряхни себя, пробило четыре часа и тебе давно пора одеваться, – говорила Антуанетта, уже одетая к обеду.

Валерия, бледная и задумчивая, лежала на диване, смотря в пространство.

– Ты права, – проговорила она, приподнимаясь и вздыхая, – надо вставать и нарядиться, чтобы подобающим образом отпраздновать свое «счастье». Скажи, пожалуйста, Марте, чтоб она приготовила черное платье; справедливость требует, чтобы я была в трауре в тот день, когда хороню свое имя, общественное положение и будущность.

Г-жа Эберштейн покачала головой.

– Не может быть, чтобы ты серьезно желала встретить Самуила таким издевательством. А если он за подобное оскорбление откажется от твоей жертвы и захочет отомстить, что тогда?

– Я не думаю, чтобы господин Мейер был так щепетилен, я ему сказала, что он внушает отвращение и... он не обиделся. Но я не хочу рисковать твоим счастьем и счастьем Рудольфа из-за вздора, а поэтому выбери сама мне туалет.

– В таком случае, я выбираю то красивое белое кружевное платье, которое прислали тебе недавно из Парижа, белый цвет тоже траур, но не такой мрачный и бросающийся в глаза.

Валерия повиновалась, и когда камеристка окончила ее наряд, то Антуанетта, глядя на свою подругу, подумала, что никогда еще она не была так хороша, как теперь. Этот простой и воздушный туалет, казалось, был создан для ее идеальной нежной красоты. Но когда Антуанетта захотела приколоть к лифу и к пепельным волосам несколько роз, она оттолкнула ее руку.

– Шипы без роз были бы приличней для такой радостной помолвки, – презрительно сказала она. – Если уже непременно нужны цветы, то какие же из них предпочитает милое племя моего жениха? Чеснок, кажется?

– Фи! Как можешь ты позволить себе так глумиться! – остановила ее Антуанетта. – Где же твое мужество и твое доброе сердце?

Молодая девушка не отвечала, и они молча вошли в комнату, смежную с гостиной. Валерия опустила в кресло возле окна и стала нервно ощипывать цветы бесподобного букета, стоявшего в севрской вазе. Антуанетта сочувственно глядела на нее, но услышав шаги в соседней зале, вышла.

Старый граф ходил взволнованный и мрачный, как темная туча.

– Успокойтесь, папа, – сказала Антуанетта, ласково беря его под руку. – Надо с достоинством нести неизбежное. Чтобы облегчить положение Валерии, мы обязаны, хотя бы внешне, любезно встретить Мейера и отнестись к нему как к доброму знакомому. Наше отношение повлияет на нее и поддержит. А вот и дядя Маврикий с Рудольфом. Слава богу, что они опередили отца Мартина.

Лицо молодого графа было так же пасмурно, он то нервно играл шнурами своей венгерки, то крутил усы.

– Рудольф, постарайся скрыть свою злость и отвращение, – шепнула ему Антуанетта. – Если вы с отцом будете с надутым видом, наше положение станет невыносимым.

– О! Если б я только мог свернуть шею этой каналье, я бы тотчас же повеселел, – глухо проговорил молодой граф, сжимая кулаки.

– А где же Валерия? – спросил барон фон Гойя.

Антуанетта молча указала ему на соседнюю комнату.

При виде молодой графини, бледной и расстроенной, барон остановился и покачал головой.

Весь ковер и платье Валерии были усыпаны лепестками роз, левкоев и лилий, а она все продолжала обрывать попавшие под руку цветы и листья.

– Ай, ай! Милая моя крестница, что значит эта экзекуция, чем провинился несчастный букет? – шутиливо спросил барон.

Валерия подняла глаза, она старалась улыбнуться и встала, было с кресла, но тотчас же остановилась, вздрогнула, ее протянутая рука бессильно опустилась; она услышала шум подъехавшей к крыльцу кареты.

– Это он и отец Роте, – сказала Антуанетта, подбежавшая к окну.

Отец Роте и Самуил вошли в гостиную. Оба графа приняли банкира очень вежливо, но холодно и сдержанно. Лишь барон, подойдя с дружеской улыбкой, протянул ему руку.

– Здравствуйте, мой милый друг, примите мое поздравление и добрые пожелания. – И вполголоса добавил: – Любовь и терпение уже смягчили некоторые предрассудки. Составьте счастье моей крестнице, и сегодняшний день будет прощен и забыт.

– Благодарю вас, барон, за добрые пожелания, я вдвойне ценю их в этот тяжелый и счастливый для меня день... Но где же?..

Самуил замолчал и тревожным взглядом окинул комнату.

– Она тут, в соседней комнате, – ответил барон. – Пойдемте!

Священник, тоже не упустивший из внимания отсутствие Валерии, по указанию графа направился к ней. При виде молодой графини, стоявшей рядом с Антуанеттой, блее своего платья, с выражением безысходного отчаяния на лице, отец фон Роте торопливо подошел и шепнул:

– Где же ваша вера, где та радостная покорность судьбе, которые я рассчитывал в вас найти? Поднимите голову, дочь моя, и помните, что вы должны быть моей опорой в святом деле обращения души, уже начавшей проникаться истиной Христовой. Скоро крещение смоет всякую скверну с этого молодого человека, как и нас избавляет от первородного греха...

Он замолчал, увидя Самуила, входящего в сопровождении барона. Подозвав знаком молодого человека, он затем взял похолодевшую руку Валерии и вложил ее в руку Самуила.

– Дочь моя, примите мужа, которого избрал вам бог, – сказал он с благоговением. – Да благословит господь ваш союз!

Слова ли священника или сила воли Самуила заставили Валерию поднять голову. Но встретив его взгляд, с любовью и упреком смотревший на нее, она покраснела и смущенно попросила его садиться. Тогда барон подошел и поцеловал свою крестницу, сел возле стоворенных и повел разговор о посторонних вещах. Рудольф и Антуанетта присоединились к ним, но отец фон Роте вернулся к старому графу, который не выходил из гостиной.

Всем стало легко, когда доложили, что обед подан; барон проворно встал, а Рудольф и Антуанетта поспешно последовали за ним. С минуту жених и невеста оставались одни. Самуил церемонно подал руку Валерии, но не выдержал, прижал ее ручку к губам.

– Простите за эти тяжелые минуты, – прошептал он задыхающимся голосом. – Доверьтесь мне, я посвящу всю жизнь, чтобы доказать вам свою любовь и составить ваше счастье.

Молодая девушка тяжело вздохнула.

– Будем надеяться, что будущее искупит то мучительное страдание, которое вы причиняете сегодня. Ваша упорная и жестокая любовь победила предрассудки, надеюсь, нам на счастье.

– Благодарю вас за эти добрые слова. В первый и последний раз я жесток к вам, наш брак делает меня вашим рабом, но...

Он наклонился к Валерии и, глядя ей в глаза, продолжал:

– Потеряй я вас – я ни за что не отвечаю, я могу сделаться жестоким, даже преступным.

Томительно потянулись дни после этой странной помолвки. Самуил чувствовал, как тяготилась его присутствием семья графа, их отвращение к нему, которое они едва могли скрыть, заставило бы другого, быть может, отказаться от этого супружества и принести любовь в жертву своей гордости, но Самуил с упорством, свойственным его расе, не отступал. Впрочем, благодаря врожденной своей деликатности, наследию предыдущих существований, иначе

обставленных, – он старался не быть навязчивым, отказывался от приглашений, которые задерживали бы его дольше обыкновенного или бы дали возможность посторонним проникнуть в тайну, которая должна была оставаться сокровенной до известной поры. В два, три дня раз являлся днем к своей невесте и своим занимательным, умным и вместе с тем сдержанным разговором старался ей нравиться. Мало-помалу Валерия к нему привыкла. Видя, что он относится к ней почтительно сдержанно, не говорит ей о своей страсти, которая подчас вспыхивала в его больших черных глазах, она успокоилась и стала спокойно разговаривать с ним.

Однажды, когда Самуил застал ее за фортепиано, она попросила его сыграть что-нибудь. Он исполнил ее желание самым любезным образом и, взяв темой тот мотив, который она только что спела, стал варьировать его как истинный артист! Первая искренняя и приветливая улыбка Валерии была ему наградой. Его выдержка и умелое обращение благоприятно подействовали на всю семью. Рудольф перестал хмуриться, а старый граф сказал раз в добрую минуту:

– У него больше такта, нежели я ожидал.

Отец фон Роте не переставал восхвалять рвение и добрые качества своего ученика, а Антуанетта, несколько зараженная либеральными идеями своего опекуна, почувствовала искреннюю симпатию к Мейеру. Она душевно радовалась, заметив, что отчаяние Валерии миновало, что она поглядывает на часы в ожидании Самуила и краснеет, заслышав его шаги; Антуанетта видела, что пророчество дяди Маврикия начинает сбываться.

Май месяц был на исходе, и семейство графа Маркош спешило переехать в деревню, где посторонние менее беспокоили их своими посещениями. Самуил был их ближайшим соседом, и Валерия сочла своей обязанностью выразить желание видеть его чаще и больше в деревне. Счастливый и признательный за эти добрые слова, Самуил обещал воспользоваться ее позволением.

В имении время проходило весело и оживленно. Шли приготовления к свадьбе Рудольфа и Антуанетты, назначенной на первые дни июля, а вместе с тем шилось приданое и Валерии, свадьба которой должна была состояться двадцать пятого сентября, через несколько дней после крещения Самуила, которое торопил отец фон Роте, бывший в восхищении от своего ученика. Будущая графиня и барон Гойя приняли приглашение быть восприемниками нового христианина.

В чудный и ясный июньский день Валерия с Антуанеттой сидели в беседке, занятые вышиванием покрывала на престол для миссионерской церкви. Приезд Самуила нарушил их беседу. Поздоровавшись, он вынул из кармана том в бархатном переплете с золотым обрезом, который и положил с улыбкой перед Валерией, Любопытная Антуанетта нагнулась через подругу взглянуть на название книги и громко захохотала.

– Что это, шутка? – со смехом спросила она. – Слишком большая честь для календаря быть в бархатном с золотом переплете.

– А вы не догадываетесь, зачем я его привез?

– Нет, – в голос ответили обе барышни.

– Я собираюсь просить вас выбрать в календаре христианское имя, которое больше всего понравится моей невесте и крестной мамаше, на смену противного имени Самуил, не нравящегося, я знаю, графине.

– Я этого не высказывала, – краснея, защищалась Валерия, – хотя, сознаюсь, что есть имена красивее.

Обе они принялись усердно изыскивать и обсуждать наиболее подходящее к личности Самуила имя, но так и не пришли к заключению. Наконец, Валерия захлопнула книгу, объявив, что выберет сама, только не сейчас, а в свободное время.

– А вот и папа идет, да еще какой оживленный. Держу пари, у нас какая-то новость.

– Дети мои, – сказал подходя к ним старый граф и здороваясь со своим будущим зятем более дружески, чем обыкновенно, – я пришел вам сказать, что все наши планы относительно

Рудольфа меняются. Я сейчас получил письмо от твоей тетушки, Антуанетта. Княгиня пишет, что слабость и боль в ногах не позволяют ей приехать к нам; но ей так тяжело не присутствовать на свадьбе племянницы, что она умоляет меня приехать со всей семьей справлять свадьбу в ее имении и провести у нее несколько недель.

– И как ты решил, отец? – спросила Валерия, бросая украдкой взгляд на Самуила.

– Приглашение в такой форме, что не допускает отказа; да нет к тому и причины. Я знаю княгиню до ее вдовства, она премилая женщина, а к тому же самая близкая родственница Антуанетты. Я очень рад возобновить с ней знакомство, и ответил, что мы принимаем приглашение и выедем отсюда второго или третьего июня. Затем до свидания.

По уходе графа Валерия наклонилась к Самуилу, который сидел мрачный и задумчивый, опершись на стол, и спросила вполголоса:

– План отца, кажется, вам не по душе?

Молодой человек вздохнул.

– Разлука с вами на несколько недель и ваше присутствие там, куда меня не пускает мое ложное, несчастное положение, разумеется, не могут быть мне приятны. Кто такая княгиня Орочай?

– Она сестра отца Антуанетты. Овдовев несколько лет тому назад и будучи очень болезненной, она уединенно живет в своем имении в Штирии. Я никогда ее не видела, но, слышала про нее много хорошего.

– В таком случае, не откажите мне, в награждение за это неожиданное горе, – присовокупил он после минутного молчания, – пожаловать всей семьей, провести день на моей даче, где я в первый раз имел счастье увидеть вас.

– О, да, обещаю, – ответила с живостью Валерия.

Граф-отец был в отличном расположении духа и принял приглашение. Было решено, что накануне отъезда барон фон Гойя и граф с семейством проведут день у Самуила.

День поездки выдался чудный и жаркий, на голубом небе ни облачка. Антуанетта с удовольствием заметила, что Валерия более обыкновенного занималась своим туалетом. Белое платье, бывшее на ней в день помолвки и казавшееся ей противным, она пожелала надеть именно теперь; простая белая соломенная шляпа, убранная розами, довершила ее туалет.

В полдень тронулись в путь: мужчины верхом, а затем барышни в шарабане, запряженном парой пони, которыми правила Антуанетта, – подарок графа невесте. Рюденгорф – имение Самуила, представляло собой красивый замок в стиле ренессанса, со множеством башенок, балконов и лепных украшений. Окруженный густым садом, барский дом носил отпечаток богатства и изящества.

– Погляди, Валерия, какое прекрасное здание! Я думаю, что хорошо будет здесь жить, и никакой граф не мог бы предложить тебе ничего лучшего, – сказала, смеясь Антуанетта, когда они въехали в тенистую дубовую аллею, ведущую к замку.

Валерия не отвечала; взгляд ее был устремлен не на виллу и всю окружающую роскошь, а на стройную, изящную фигуру молодого владельца, который стоял на последней ступеньке крыльца, встречая своих гостей. Не сознаваясь самой себе, молодая графиня перестала оплакивать свою жертву; присутствие Самуила сделалось для нее удовольствием, которого она с нетерпением ожидала, и, конечно, она бы не отказалась теперь от своего жениха, даже если бы ей представлялась такая же выгодная партия.

Самуил выказал самое радушное, самое внимательное гостеприимство. Превосходный завтрак, прогулка в парке, подробный осмотр замка и замечательного собрания картин и редкостей, привезенных из путешествий, заняли все утро, затем предполагалось катание в лодке по большому озеру, славившемуся красотой своих живописных берегов.

После обеда старый граф и барон отправились на террасу пить кофе и курить, а молодые люди собрались в соседней зале, и Валерия, заметив концертный рояль и полные нот этажерки,

попросила Самуила сыграть что-нибудь. Он любезно исполнил ее желание, и никогда, быть может, его игра не была так хороша, так исполнена огня и выражения, а вместе с тем, так прихотлива и оригинальна. Звуки отражали, казалось, чувство артиста, и в них слышались то оживление и торжество, то робость и беспредельная грусть.

Когда замерли последние аккорды, восторженные браво раздались с террасы и в зале, и одна Валерия, слушавшая, опершись на рояль, не произнесла ни слова; но когда Самуил хотел встать, она проговорила:

– Нет, нет, я хочу слушать вас. Спойте что-нибудь.

Самуил снова сел, взглянул на Валерию и чистым, звучным голосом запел партию Эдгара и Лучии, где обманутый жених изливает на изменницу свою горечь отчаяния и упреков.

Сердив Валерии усиленно забилося. Эти потрясающие звуки, то дышащие страстью, то проникнутые горькой печалью, подавляли ее. Она задрожала, словно ее самое обвиняли в измене.

– Вы поете, как замечательный артист, – сказала она, когда он кончил. – Но отчего вы выбрали эту арию?

Самуил взял ее руку и прижал к губам.

– Простите меня, – сказал он, заметив, что рука Валерии дрожит, – я сам не знаю, что заставило меня пропеть эту арию. Как вы бледны! Впредь я буду петь только то, что вы сами выберете. – Снова осыпанный похвалами, Самуил предложил гостям отправиться на озеро, но старики от этого удовольствия отказались.

– Друзья мои, – сказал барон, – как ни увлекательна предполагаемая прогулка, но после дневной жары и лукуловского обеда я предпочитаю созерцательное спокойствие на террасе. Думаю, что этим я отвечу и за моего друга Эгона; а вы можете совершить эту прогулку по воде под покровительством ваших будущих мужей и даже вообразить, что плывете по морю житейскому, что весьма поэтично и приятно для влюбленных.

– Ты всегда умеешь, дядя, оправдать свою леность, – заметила, смеясь, Антуанетта, – но упускаешь из виду, что в нашей мнимой прогулке по житейскому морю для полноты иллюзии будет недоставать бури.

– Как знать, – возразила Валерия. – Быть может, для испытания нашего мужества судьба пошлет нам и бурю; сегодня удушливо жарко, и мне кажется, что вдали виднеются тучи.

– Какой вздор! Небо чисто и ничто не предвещает грозы, – возразила Антуанетта и, опираясь на руку Рудольфа, сбежала по ступенькам террасы.

Самуил последовал за ними с Валерией и тенистыми аллеями парка провел своих гостей до берега.

У спуска к озеру, среди привязанных к берегу лодок разной величины и разных форм, была одна, большая, украшенная цветами и коврами, очевидно, приготовленная для прогулки. Рудольф взглянул с неудовольствием на двух гребцов, ожидающих в этой лодке.

– Дорогой хозяин, подобное распоряжение не делает чести вашей фантазии. Сознаюсь, я вовсе не жажду кататься в обществе, а так как отец и дядя догадались остаться дома, то я предлагаю взять эти двухместные ялики, чтобы каждый из нас сам вез свою даму.

Дело в том, что молодой граф не прочь был отделаться от несколько церемонного общества сестры и будущего зятя и остаться вдвоем с Антуанеттой.

– Охотно присоединяюсь к вашему мнению, если только графиня одобрит его, – отвечал Самуил.

Валерия не имела ничего против этого. Она была под впечатлением пения своего жениха, глубокие, потрясающие звуки его голоса еще звучали в ее ушах, и она желала провести время в свободной беседе с ним. Обе пары сели в лодки и расстались, условившись вернуться через два часа к этому месту.

Рудольф повернул налево, чтобы плыть вдоль берега. Самуил же направился на середину озера, где вдали виднелся островок с тенистыми деревьями.

Обширная поверхность озера была спокойна и гладка, как зеркало, ни малейшего ветерка. Медленно шевеля веслами, Самуил не мог оторвать глаз от своей спутницы, которая в воздушном белом платье и с длинными русыми косами казалась феей, вынырнувшей на поверхность.

Самуил был счастлив: внутреннее убеждение говорило ему, что отвращение графини заменило другое чувство, в котором она сама не отдавала себе отчета, и что не ненависть была теперь в ее глубоких ясных глазах. Он почувствовал неодолимое желание услышать, наконец, из ее уст ободряющее слово.

Положив весла, Самуил наклонился к Валерии, погруженной в глубокую задумчивость.

– Благодарю вас, за ваше сегодняшнее посещение, – сказал он. – Я так счастлив, что принимаю в своем доме ту, которая вскоре будет здесь царить.

– Ах, я охотно приехала, я видела, как наша разлука вам тяжела.

– Благодарю вас за это внимание ко мне и еще более за то, что вы согласились на эту прогулку со мной. В первый раз мы совершенно одни, далеко от людей и их мелких предрассудков. Простите, но я не могу не спросить вас: смею ли я надеяться, что вы не чувствуете ко мне больше того отвращения, которое заставляет меня испытывать адские муки и внушает мне, то возратить вам свободу, то желание связать вас с собой неразрывной цепью, потому что жить без вас – выше моих сил. Одна мысль лишиться вас, вызывает во мне целую бурю недобрых чувств.

Яркий румянец покрыл щеки Валерии, она хотела отвечать, но непобедимое смущение отнимало у нее голос. Чувства, волновавшие ее, так ясно отразились в ее глазах, что Самуил вздохнул свободно и радостно.

– Я не хочу вынуждать у вас признания, Валерия, и не имею далее на то права, так как я не христианин, но когда крещение уничтожит последнюю разделяющую нас преграду, тогда скажите, будете ли вы в состоянии чувствовать к человеку, ставшему вашим мужем, хоть каплю той любви, которую вы ему внушаете.

Глухой удар грома прервал их разговор. Свинцовые тучи надвигались с невероятной быстротой; подул свежий ветер, поднимая волны и покачивая лодку. Самуил схватил весла.

– Сейчас разыграется гроза, – сказал он, – надо быстрее доплыть до острова, а от берега мы слишком далеко.

Он стал сильно грести к ясно видневшемуся островку, но гроза уже разыгралась. Мрак усиливался с каждой минутой, молния бороздила темное небо, ветер яростно дул, качая легкий челнок и задерживая его ход. Валерия не знала, как удержаться, и боялась, каждую минуту потерять равновесие и упасть в воду.

– Встаньте на колени на дно лодки, – крикнул Самуил, – скорей! Держитесь за меня и не шевелитесь, иначе мы утонем.

Она повиновалась и, бледная, молча следила за борьбой Самуила с бурей. Наконец, они достигли островка, но тут представилось другое затруднение: бешеные пенные волны, ударяясь о берег, отталкивали легкий челнок, подбрасывая его и мешая пловцам ступить на землю.

Ввиду серьезной опасности Самуил поднял Валерию на руки, проворно и смело выпрыгнул с ней на землю.

– Не бойтесь, мы спасены, – сказал Самуил, отирая свой влажный лоб.

– Но наша лодка, поглядите, – вскрикнула она, указывая на челнок, который, прыгая на хребте пенившихся волн, словно ореховая скорлупа, уже терялся в тумане.

– Нас не оставят на необитаемом острове и приедут за нами, как скоро гроза...

Яркая молния осветила небо, и удар грома, от которого задрожал островок, заглушил своими раскатами последние слова Самуила, дождь хлынул как из ведра.

– Пойдемте, тут есть место, где вы можете укрыться, – сказал Самуил, подавая руку Валерии, которая, дрожа, прижалась к нему.

Вскоре они пришли к груде сероватых камней, один из этих камней, выступая навесом, образовывал открытый грот, в глубине которого была дерновая скамья.

– Зачем вы там остались? Вы промокнете, – вскрикнула Валерия, усаживая Самуила на скамейку возле себя.

– Вам будет неудобно, здесь так мало места.

Оглушительные раскаты грома покрыли его голос, молния бороздила небо, потоки дождя с шумом ударялись о камни, бушующие волны глухо ревели. И все это сливалось в грандиозный ужасающий хаос.

Самуил невольно обвил стан своей спутницы, и она не сопротивлялась, а положила голову на его плечо. Молча и неподвижно сидели они, прижавшись друг к другу. Валерия забыла свои предрассудки и отвращение, а душу ее объяло странное чувство счастливого покоя.

Сколько времени просидели они так, они сами не знали. Между тем, гроза, наконец, стала утихать, удары грома, теряясь вдаль, наконец, смолкли, тучи рассеялись, и серебристый свет луны озарил озеро.

– Боже мой, уже луна! Который час может быть? И где Рудольф и Антуанетта, – воскликнула Валерия, поднимаясь.

Самуил вынул часы.

– Десять часов, – сказал он, всматриваясь. – Сейчас приедут за нами. За них не бойтесь, они держались берега и не подвергались опасности, но вы бледны, Валерия. Вы очень испугались?

Валерия отрицательно покачала головой.

– Я ничего не боюсь под вашей защитой, – сказала она, устремив на него блестящий взгляд. – Я убедилась на опыте, что в вас довольно мужества и силы, чтобы защитить от бури житейской ту, которая доверилась вам. И теперь я могу ответить вам, Самуил, на ваш вопрос, предложенный мне в лодке; конечно, я желаю, чтобы вы приняли крещение, которое должно даровать вам новую жизнь. Но уже теперь я люблю вас, вы мало-помалу овладели моим сердцем, победили отвращение и предрассудок. А эти минуты разъяснили мне мои чувства, и я добровольно отдаюсь вам.

Не помня себя от счастья, Самуил привлек ее к себе на грудь и в первый раз его страстный поцелуй коснулся ее губ.

– Этот миг искупает все мои страдания и вынесенное презрение, – прошептал он. – Сегодня наша настоящая помолвка, и я надеюсь, Валерия, вы не откажете в моей просьбе.

– Конечно, если это зависит от меня.

– Давно я ношу с собой наши обручальные кольца, которым приписываю магическую силу. После моего крещения отец фон Роте освятит их, но я буду спокойнее, когда вы будете носить мое кольцо. Завтра вы уезжаете на три недели, это целая вечность; злое предчувствие меня мучает и заставляет меня бояться, что это путешествие будет роковым, и мы больше не увидимся.

– Вот вам моя рука, Самуил, и я отдаю ее вам не по необходимости, а по свободному влечению сердца. Я с радостью буду носить ваше кольцо как видимый знак данного слова.

Самуил поспешно вынул из кармана бумажник, достал из него кольца и, поцеловав, надел одно из них на палец Валерии.

– Этим кольцом, символом вечности, ты соединяешься со мной на всю жизнь, – сказал он глухим голосом, и глаза его сверкнули мрачным огнем. – Ты делаешь это добровольно; горе тебе, если когда-либо ты изменишь мне и нарушишь свою клятву!

– Самуил, вы меня оскорбляете таким подозрением. В свою очередь, я требую от вас такой же клятвы.

– Насчет моей верности, – ответил он, улыбаясь, – будьте спокойны, Валерия. Моя любовь не умрет, пока я жив.

– Отчего же вы, сомневаетесь в моей? Вы сегодня в воинственном настроении, Самуил. Сначала вы произнесли не особенно лестную для невесты речь, а теперь усомнились в моем слове.

– Вы правы, я неблагодарен и схожу с ума. Браните меня, фея, я это заслужил. Но вот уже два дня я нахожусь в нервном, тревожном достоянии и меня мучают печальные предчувствия, а все это следствие сна, не имеющего здравого смысла, но который, тем не менее, произвел на меня необычайное впечатление.

– Расскажите мне его, Самуил.

– Это было в среду вечером, – начал он. – Я вернулся от вас в самом хорошем настроении духа, лег в постель и, любуясь вашим портретом и мечтая о будущем счастье, заснул. Во сне я увидел себя с вами на прекрасном лугу, усыпанном цветами; мы шли спокойные и счастливые, направляясь к видневшейся вдали церкви.

Подойдя к храму, дверь которого была настежь открыта, я отпустил вашу руку и сказал: «До свидания, Валерия. Я пойду, окрещусь в купели, что стоит среди церкви; подождите меня у дверей». Вы согласились, и я вошел; но приближаясь к купели, я с удивлением увидел, что в ней не было воды и что возле меня, вместо священника, стоял молодой офицер замечательной красоты, блондин, как и вы, а его черные глаза с презрением были устремлены на меня. Небрежно сыпал он в купель целый дождь золотых и, указывая на них, говорил мне: «Крестись вот в этом».

Вне себя и ничего не понимая, я выбежал из церкви, чтобы спросить у вас, что это значит, но все изменилось. Я увидел перед собой улицу, переполненную народом и примыкающую к арене, где тоже теснилась толпа. Я не знал, как я очутился на золотой колеснице рядом с тем же офицером. Теперь он был одет в тогу и на голове его был лавровый венок, как у римских героев; на мне был такой же костюм, а в руках широкий меч, и я кричал изо всей силы: «Смерть христианам!» Произошло смятение, во время которого я убил несколько мужчин, женщин и детей. Среди них я вдруг наткнулся на вас, Валерия. На коленях, с распущенными волосами и помутившимся взглядом вы поднимали ко мне руки, сжимавшие крест; но упоенный бешенством и кровью, я крикнул: – «Умри!» и занес над вами оружие. В ту же минуту офицер бросился и схватил вас, а меня оттолкнул так сильно, что я упал навзничь. Когда я встал, совсем ошеломленный, то увидел, что я в саду моей загородной виллы в Пеште, возле довольно большого пруда. Я чувствовал себя дурно; в боку у меня была рана, из которой сочилась кровь, и она жгла меня как огонь. Вы стояли передо мной, Валерия, в подвенечном платье, но я знал, что вы выходите замуж не за меня, а за блондина в военной форме. Вы мне что-то говорили с выражением страдания на лице, но я ничего не слышал; безумное бешенство кипело во мне, и чей-то насмешливый голос напевал ту арию из Лучии, которую я спел вам сегодня. Я чувствовал такую сильную боль в ране, что, казалось, с ума сойду и, схватив вас, кинулся с вами в пруд... В эту минуту раздался голос Рудольфа: «О, негодный убийца!» И я проснулся. Все тело мое было облито ледяным потом, а впечатление сна было так живо, что все еще, казалось, звучал голос Рудольфа, и я невольно дотронулся до бока, где продолжал чувствовать сильную боль. Минуту спустя я совершенно пришел в себя и понял, что это был сон, но всю ночь затем не мог сомкнуть глаз.

Валерия с глубоким вниманием слушала этот рассказ.

– Это был кошмар, – проговорила она после минуты молчания. – Не надо быть суеверным. Бог хранит нас.

В эту минуту по озеру пронесся призывный, крик нескольких голосов, и вдали показалась лодка.

– За нами едут, – сказал Самуил, вздрагивая. – Прощайте, Валерия. Дайте мне проститься с вами теперь, а завтра, под ледяным взглядом вашего отца, мы опять будем чужими.

– Нет, нет, мы еще должны увидаться. Приходите завтра, Самуил, между одиннадцатью и двенадцатью часами, я буду ждать вас в роще Флоры, возле калитки, которая ведет в поле, там мы можем спокойно проститься без свидетелей.

Сияющий и признательный, он прижал ее к груди и затем ответил громко на зов. Спустя несколько минут, лодка, в которой был Рудольф, причалила к островку, и они направились к дому. На пристани граф, барон и Антуанетта ожидали их в сильной тревоге.

– Успокойтесь, – крикнул весело Рудольф, – я везу вам потерпевших крушение, они здоровы и невредимы.

Валерия выпрыгнула из лодки и кинулась в объятия отца.

– Милый папа, если ты видишь меня живой, то этим ты обязан мужеству и присутствию духа Самуила, – сказала она.

Поглощенный своей радостью, старый граф не обратил внимания на восторженный взгляд дочери и на то, что она просто, по имени назвала человека, которого, как он полагал, она едва вынесит; но Рудольф, покручивая усы, подозрительно взглянул на сестру.

На другой день Валерия проснулась радостная. Давно не ощущала она такой полноты жизни; будущее улыбалось ей, и не было страшно, как прежде. Она глядела на кольцо, надетое на ее палец Самуилом, и, краснея, спрашивала себя, как мог глупый предрассудок внушать ей отвращение к этому красивому, богато одаренному природой человеку. Вспомнилось ей, какие тяжелые минуты пережила она в его саду, прося возвратить ей свободу. К счастью, он тогда отказал, и теперь блаженная улыбка скользнула на ее губах. Много других счастливых минут ожидает ее в том же саду, там она будет гулять с ним в тенистых аллеях и его звучный, страстный голос, который заставляет дрожать все струны ее сердца, будет нашептывать ей слова любви, подобные тем, которые слышала она от него вчера.

И как некстати на голову свалилась скучная эта поездка. Как длинны покажутся три недели, проведенные вдали от него. Слава богу, что она назначила на утро ему свидание, им еще о стольком надо поговорить.

Она сбросила одеяло и позвала камеристку.

Валерия с большим вниманием занялась туалетом, надела синие туфли, розовое платье и кружевную косынку, выделявшую жемчужную белизну ее лица, и приколола синий бант к русым волосам, ниспадающим двумя длинными косами. Затем, удостоверившись в зеркале, что она прелестна в этом простом туалете, взяла зонтик и поспешно отправилась к месту свидания. С нетерпением ходила она взад и вперед по аллее роши, поглядывая на часы, а всего было только десять с половиной часов, и вдруг открыла калитку. Пред ней расстилались широкие поля, слегка холмистые, засеянные хлебами, волнующимися под дуновением ветерка.

Направо виднелась, теряясь в пространстве, дорога, ведущая в Рюденгорф, прямо изви- валась другая, изрытая дождями и колесами тяжелых телег. Валерия пошла этой дорогой, срыва- вая в пути васильки и маки, но дойдя до большого дерева, бросающего кругом густую тень, она села на скате холма и стала плести венки из васильков. Отсюда ей видны были калитка парка и Рюденгорфская дорога, а сама она была скрыта тенью ветвей и хлебными стеблями.

Взглянув на дорогу, она увидела мчавшегося всадника. Доехав до ограды, он проворно соскочил на землю, привязал лошадь и хотел открыть калитку.

– Самуил! – крикнула Валерия.

Тот повернулся с удивлением, но, не видя никого, хотел идти далее. Тогда она позвала его еще раз. Уловив направление голоса, он тотчас вышел на проезжую часть дороги и увидел Валерию, она сидела, улыбаясь, вся в цветах, и сама была похожа на василек.

– Ах, как вы хороши, дорогая моя, – воскликнул Самуил, садясь возле нее и поцелуем заглушая ее привет. – Я так счастлив, что вы тут ждете меня, и боялся все утро, что, поразмыслив, ваша гордость осудит вчерашний вечер, и вы не придете.

Молодая девушка покраснела.

– Какое вы составили обо мне понятие! Какая гордость может разлучить нас теперь, между нами все ясно, как июльское солнце! Я сожалею о том, что мы должны расстаться. Ах, зачем вы еще не крещены? Мы поехали бы вместе.

– Скоро, дорогая моя, я буду всецело ваш, и ничто более не разлучит нас; но если вы хотите, чтобы я был вполне счастлив, говорите мне «ты» теперь, когда мы здесь одни. Это слово из ваших уст будет для меня талисманом.

– Вы стали слишком требовательны и смелы со вчерашнего дня; если бы я не уезжала, то не согласилась бы, но сегодня я ни в чем не хочу тебе отказывать, – прошептала Валерия в смущении.

– Благодарю, благодарю! Сердце твое почувствовало, что никогда еще я так не нуждался в утешении; три недели я буду терпеть адские мучения ревности, знать, что ты в незнакомом мне обществе, окруженная блестящей молодежью, которая, конечно, будет ухаживать за тобой!.. Ты так оболстительно хороша, что нельзя видеть тебя и не любить. И все эти дни люди не будут знать, что ты невеста другого, которого никто не решится назвать...

Лицо Самуила мало-помалу хмурилось, глубокая печаль и горечь звучали в его голосе и странным огнем горели его черные глаза.

– Нет, нет, не ревнуй, Самуил, ты знаешь, что я люблю тебя. Кто же может вытеснить тебя из моего сердца? – утешала его Валерия.

Но видя его мрачность и задумчивость, она наклонилась и провела цветком по его щеке. Самуил глубоко вздохнул.

– Милая Валерия, я более тебя испытал пагубную силу светских предрассудков, – сказал он печально. – Ты сама, когда не знала, что я еврей, любезно отнеслась ко мне, пока Рудольф одним словом не заставил тебя измениться.

– Зачем ты мучаешь меня, да еще в такие минуты, когда я думала, что мы будем вполне счастливы! Я вижу, что ты не простил тех слов, которые мне внушала моя гордость и это служит тебе основанием бояться моей неверности! Но ты забываешь, жестокий человек, что в твоих руках честь моей семьи? Разве я полюбила бы тебя, если бы ты не отнесся ко мне враждебно и всеми способами заставил меня тебе покориться? Тем не менее, твоя пленница стала твоей союзницей.

– Не напоминай мне этого никогда, Валерия, – сказал молодой человек, тяжело дыша. – Ужасной угрозой я приковал к себе женщину, страшно любить и чувствовать, что тебя ненавидят, презирают. Я никогда не забуду кровавого оскорбления, нанесенного мне тобой, когда ты мне сказала прямо в лицо, что мое происхождение внушает такое отвращение, которое не может уничтожить никакое крещение. Как же не бояться, что эти предрассудки и твоя врожденная гордость не заставят тебя стыдиться за твой выбор? Свет не будет знать, что сперва, ты хотела принести себя в жертву своей семье. Останешься ли ты, тверда, если тебя будут окружать поклонением, если какой-нибудь гордый аристократ сложит к твоим ногам свою любовь и имя, достойное тебя? Поклянись мне остаться верной, несмотря на искушение, не красней за мое происхождение, а я буду спокоен и постараюсь подавить адское чувство ревности.

– Боже мой! Какой же клятвы ты хочешь от меня? – спросила Валерия в сильном смущении.

Самуил поднял глаза к солнцу, лучи его играли на траве у их ног.

– Взгляни. Это солнце озаряет равно всех людей, без различия расы и вероисповедания, оно создано богом, который – наш, равно как и ваш, и только люди жадные, гордые и завистливые, по своей взаимной ненависти, делят его, чтобы вернее разрушить гармонию природы,

которой управляет единая воля. Валерия, этого единого бога я призываю в свидетели твоей клятвы, и если ты мне изменишь, пусть это солнце, озаряющее нас в эту минуту, будет тебе всегда живым упреком и осуждением твоего поступка.

Она слушала, дрожа и бледнея.

– Жестоко с твоей стороны так мучить меня, но я клянусь остаться тебе верной, не стыдиться тебя, и если я изменю своему слову, пусть глаза мои больше не увидят солнечного света.

Последние слова ее были заглушены рыданиями. Слезы любимой женщины испугали и произвели сильное впечатление на Самуила, он побледнел и, упав на колени к ногам Валерии, покрывал поцелуями ее руки, просил у нее прощения, упрекал себя, что увлекся своими мрачными предчувствиями до того, что огорчил ее.

– Хочешь, чтоб я осталась? Я скажусь больной и не поеду на свадьбу, если это может тебя успокоить, – сказала она вдруг.

– Нет, нет. Теперь я прошу тебя ехать, забыть мою безумную ревность, и в доказательство твоего полного прощения взять вот это.

Самуил вынул из кармана красный сафьяновый бумажник и подал его невесте.

– Что это значит? Что в этом бумажнике? – спросила с удивлением молодая девушка.

– Это значит, что я хочу, чтобы ты была весела, чтобы никакая мучительная забота относительно твоего отца и брата тебя не тревожила. В этом бумажнике все их обязательства, они мне больше не нужны, так как ты отдала мне свое сердце.

– Возьми их назад, умоляю тебя, отдай их после отцу, как было условлено, – сказала Валерия, бледнея от волнения.

– Нет, любовь не нуждается в материальных оковах, и меня ужасает мысль, что ты все еще находишься под гнетом твоего самопожертвования. Ты поклялась мне в верности, и я верю тебе, как самому себе. К чему же эти бумаги? У меня было желание приобрести тебя, а гибели твоих родных я не хотел; я стану спокойнее, сильнее, когда у меня не будет против тебя иного оружия, кроме твоей любви, иного ручательства, кроме твоего честного сердца.

Побежденная, растроганная этой слепой верой и беспредельной нежностью, отражавшейся в глазах Самуила, все еще стоявшего перед ней на коленях, Валерия обвила руками его шею и прошептала взволнованным голосом:

– Я беру эти бумаги, но не уничтожу их, всю жизнь я буду их беречь в память этой минуты, когда ты ответил на наши оскорбления и презрение своим великодушным доверием.

– Что говорить об оскорблениях? Все забыто, все сглажено этой минутой, минутой невыразимого счастья, – сказал Самуил, прижимая ее к сердцу и целуя ее пушистые волосы.

Настало короткое молчание. Оба они верили, что достигли совершенного счастья, фата-морганы ослепленного сердца человека, который воображает, что может нащупать то, что видит глаз, а между тем это лишь неуловимый призрак...

Заметив, что Валерия дрожит, Самуил поборок волновавшие его чувства и, сев рядом, весело сказал:

– Когда ты вернешься обратно, мы непременно должны встретиться в этом же месте. Я не предполагал, что эта проселочная дорога внушит мне такое почтение; но теперь каждый раз, когда я буду в Рюденгорфе, я обязательно стану ее посещать. Дай мне на память эту гирлянду васильков, которая так идет тебе, или подожди немного, это будет еще лучше.

Он вынул из кармана записную книжку и карандаш, попросил ее не шевелиться и через несколько минут показал ей эскиз, прекрасно удавшийся.

– С этого я сделаю твой портрет масляными красками, – сказал он улыбаясь. – Время пройдет скорее, когда у меня перед глазами будет всегда твой чудный образ.

– Ах, какая хорошая мысль и как этот набросок похож, – воскликнула Валерия, хлопая в ладоши. – Какой ты милый! Но пора расставаться. Антуанетта и моя камеристка, верно,

ждут меня, я едва успею переодеться в дорожное платье. Иди теперь к отцу и постарайся нас проводить, я хочу видеть тебя до последней минуты.

– Желание, волшебная фея, будет исполнено. Я сажусь на лошадь и совсем прилично въеду по большой аллее, – смеялся Самуил, с комическим почтением отвешивая ей поклон.

– До свидания. А веночек тебе пришлю.

Когда Валерия, покрасневшая и улыбающаяся, пришла к себе в комнату, горничная доложила ей, что Антуанетта уже одета и ждет ее в саду.

– Я запоздала, собирая цветы. Скорей дай мне, Марта, дорожное платье и затем уйди, мне надо еще написать письмо.

Она спрятала в дорожный несессер красный сафьяновый бумажник и наскоро оделась. Затем она сбегала в комнату Рудольфа, сняла свой висевший над его письменным столом миниатюрный портрет, сделанный в Италии, положила в ящик вместе с гирляндой, приложила к этому золотой крест на тонкой цепочке и записку следующего содержания:

«Я получила этот крест в день моего первого причастия, теперь он будет твоим крестильным. Пиши мне на имя Рудольфа и пришли мне твой портрет. Я буду, отвечать через брата».

Затем она позвала Марту.

– Сегодня вечером эту шкатулку надо отнести господину Мейеру, я проиграла ему пари. Распорядись, чтобы после нашего отъезда она была доставлена в Рюденгорф.

Ключ от шкатулки Валерия положила в карман, чтобы отдать его потихоньку Самуилу, и направилась поспешно в залу, где ее с нетерпением ожидали.

Во время завтрака лакей доложил Самуилу, что его слуга принес для него сверток. Он приказал положить его в соседней комнате. Как только встали из-за стола, а люди ушли, Самуил взял два футляра и подошел к молодым девушкам.

– До сих пор я не позволял себе подносить вам что-нибудь, – краснея, начал он.

– Как? А цветы и конфеты? Да еще в художественных ящиках и вазах, – перебила его со смехом Антуанетта.

– Цветы и конфеты, может подносить каждый. Но по случаю вашей предстоящей свадьбы, Антуанетта, умоляю вас, как будущую мою родственницу и крестную мать, принять это от меня на память. Вы всегда относились ко мне так приветливо и дружелюбно, что не огорчите меня отказом. Что касается вас, Валерия, вы не отвергнете первый подарок, который осмеливается преподнести вам ваш жених.

Антуанетта с любопытством открыла свой футляр и при виде великолепной парюры из рубинов в античном вкусе сказала, протягивая руку Самуилу:

– Я принимаю, но это слишком хорошо!

Парюра Валерии вызвала общее восхищение: это была гирлянда маргариток вся из бриллиантов. Камни и работа были так хороши, что Валерия не могла удержать своего восторга и пожелала тотчас же примерить эту дивную парюру. Страстный взгляд Самуила убедил ее, что гирлянда шла ей восхитительно.

Но вот доложили, что экипажи поданы. Антуанетта пошла прятать футляры; Рудольф, граф и барон фон Гойя тоже вышли для последних дорожных приготовлений, а жених с невестой остались на минуту одни.

– Возьми этот ключ, он от той шкатулки, которую тебе принесут сегодня.

– Прощай, Валерия, приезжай скорей и не забывай меня, – прошептал грустно Самуил.

– Я никогда не забуду тебя. Утром ты будешь первой, а вечером последней моей мыслью, – ответила она, бросаясь в его объятия.

В эту минуту Антуанетта проходила коридором и при виде трогательного прощания с удивлением попятилась.

Минут десять спустя все сидели в карете и ехали на станцию, куда прибыли как раз вовремя, чтобы успеть сесть в купе, обменялись последними поклонами с Самуилом, и поезд тронулся, увозя путешественников.

С поникшей головой грустный Самуил сел в экипаж и направился в Рюденгорф. Ему казалось, что все померкло, все стало пусто вокруг него, и остальную часть дня он провел на террасе.

Шкатулка, которую ему принесли после обеда, несколько улучшила его настроение. Он читал и перечитывал записку Валерии, поцеловал крест и, поставив перед собой ее портрет, не мог налюбоваться прелестным лицом своей невесты. Позабыв все свои опасения и ревность, он отдался мечтам о долгой и счастливой будущей жизни.

Глава 5

Когда поезд, уносивший графа и его семью, тронулся с места, в купе все молчали. Валерия откинулась на подушки. Разлука с Самуилом была для нее тяжелее, чем казалось окружающим. Граф-отец погрузился в чтение газеты, но между женихом и невестой вскоре завязался разговор, привлечший внимание Валерии. Речь шла о княгине Орохай и о ее сыне Рауле.

– Мне будет очень интересно, – говорила Антуанетта, – увидеть двоюродного брата. – Я восемь лет не видела его, когда в последний раз я гостила летом у тети Одиль, он был со своим гувернером в Ницце. А ты, Рудольф, видел его уже офицером. Как ты его нашел? Он обещал стать очень красивым.

– И вполне сдержал это обещание и может служить прекрасной моделью для Аполлона или Адониса. Но он очень нежного сложения и имеет болезненный вид. В полку он пробыл всего несколько месяцев (ты была в это время в Италии с Валерией), затем ему дали годовой отпуск для поправки здоровья, который теперь должен кончиться. Он успел снискать любовь товарищей, – да и вообще славный мальчик, наивный, как барышня, несмотря на свои двадцать два года; не пьет, не играет, избегает женщин, что весьма удивительно, так как те преследуют его. А вот, когда он осознает могущество своей красоты и положения, то будет одерживать большие победы, и я очень счастлив, что он уже не может быть моим соперником.

Мадемуазель Эберштейн расхохоталась.

– Ты слишком скромна, Рудольф. Такой мальчик, как Рауль, не может быть опасен. Но я рада, что из него вышел скромный и симпатичный юноша, это большое утешение матери. Бедная тетя чуть не лишилась рассудка после смерти своего мужа, затем она отказалась от света и, несмотря на красоту, молодость и огромное состояние, заперлась в своем имении и посвятила себя сыну, которого боготворила.

Валерия мало-помалу перестала вслушиваться в их разговор. «Должно быть глупый и избалованный мальчишка! То ли дело Самуил – красивый, мужественный, талантливый», – подумала она, снова закрывая глаза.

Несколько часов спустя наши путешественники приехали на станцию, где им надо было пересест в экипажи и ехать в замок княгини. Все вышли из вагона, и вдруг Рудольф указал, смеясь, на офицера, который проходил мимо них, кого-то высматривая в толпе.

– Мы здесь, князь, – сказал он, похлопывая его по плечу.

Молодой человек оглянулся и тотчас подошел к гостям. Князь Рауль Орохай был действительно красивый молодой человек. Его высокий стройный стан сохранял еще юношескую грацию; белое и свежее, как у молодой девушки, лицо отличалось классической правильностью черт, большие темные глаза и черные ресницы придавали ему задумчивое выражение. Он почтительно приветствовал барышень, но при виде Валерии в его глазах мелькнуло выражение такого страстного восхищения, что та отвернулась, краснея. После дружеских объятий с графами и бароном Рауль предоставил свой экипаж, и все тронулись в путь.

Уже взошла луна, когда подъехали к замку. Это здание представляло собой большую феодальную крепость на скале, окруженную лесистыми горами. Валерия восторгалась красотой его живописного месторасположения.

Княгиня радостно приняла своих гостей, всякое стеснение и этикет исчезли. Она горячо благодарила графа и барона за их согласие справиться у нее свадьбу, а Рудольфа поцеловала в лоб со словами:

– Сделайте счастливой Антуанетту, мой будущий племянник.

Она несколько раз обняла Валерию, когда же заметила, каким восторженным взглядом Рауль смотрел на Валерию, то и сама с особым вниманием стала в нее всматриваться.

После чая, подкрепленного ужином, которому усталые путешественники оказали большую честь, все вернулись в столовую и разделились на две группы.

Беседовавшая со старым графом княгиня вдруг прервала начатый разговор:

– Смотрю на Валерию. Что за восхитительное создание ваша дочь. Кажется, я никогда не видела такого божественного личика. Эти лазурные глаза святого могли бы околдовать!

К удивлению княгини, граф нахмурился, взглянув на дочь, и глубоко вздохнул. Была уже ночь, когда молодые девушки пришли в отведенную для них комнату, но царившее перед тем оживление прогнало сон, и обе они лежали в постелях, продолжая болтать.

– Как ты находишь тетю и Рауля, – спросила Антуанетта, откидывая полог кровати, чтобы лучше видеть облокотившуюся на подушки приятельницу.

– Княгиня мне внушает глубокое почтение, – отвечала Валерия. – В лице ее столько доброты и грусти. Но относительно Рауля не могу сказать, чтобы он мне нравился, несмотря на его бесспорную красоту и благородство манер, есть что-то неприятное в его взгляде, слишком мечтательном и недостаточно энергичном, а в выражении лица слишком много гордости, спеси и даже жестокости.

– Боже мой, какие ты приписываешь ему ужасы! Конечно, ему не представлялось случая выказать свое мужество, он был боготворим и лелеян с детства, не было желания, которое бы не исполнялось. Но сейчас видно, что это добрый доверчивый ребенок, а совсем не пресыщенный жизнью, что, конечно, большое достоинство для князя двадцати двух лет, прекрасного, как Адонис, и богатого, как Крез. Знаешь, он недавно еще получил после смерти родственницы, баронессы фон Равен больше миллиона. Поэтому, если ты заметила кое-какие проявления гордости, то это, разумеется, естественно.

Валерия, молча слушавшая ее, когда та кончила панегирик, подняла руку и мнимо важным тоном сказала:

– Слушай. Мне кажется, мой долг велит мне предупредить Рудольфа, что ты окончательно наэлектризована своим кузеном, нескончаемо воспеваешь его добродетели и чары, и, весьма возможно, что вместо графа Маркоша предпочитаешь выйти за князя Орохая.

Антуанетта упала на подушки и залилась смехом.

– Это не опасно, – ответила она, насмеявшись вволю. – В моих глазах никого в мире нет красивее Рудольфа, с его смелой воинственной поступью, шелковистой бородкой и глубокими глазами, а кроткому Раулю, с его мечтательным взглядом и пробивающимися усиками, его не заменить. А вот ты берегись такой близости: Рауль, кажется, очарован тобой и может явиться более подходящим для тебя претендентом, чем Мейер, который, несмотря на все свои достоинства, что я охотно признаю, все же останется всегда крещеным евреем.

Валерия побледнела, и глаза ее лихорадочно вспыхнули.

– Если ты меня любишь, Антуанетта, никогда так не говори и не шути на эту тему. Однако поздно, пора спать...

Она улеглась и закрыла глаза, повергнув приятельницу в недоумение. Не находится ли теперешнее негодование в связи с подмеченным ею утром прощальным поцелуем.

Дней через пять по приезде должна была состояться свадьба Антуанетты. С обоюдного согласия было решено провести это время исключительно в семейном кругу, не считая, конечно, кое-каких необходимых визитов. Празднество открывалось в день свадьбы большим балом у княгини, за которым следовал целый ряд вечеров, кавалькад и пикников, частью приготовленных Раулем, частью соседними помещиками. Пока время текло спокойно, весело, а княгиня оказывала все большее расположение Валерии, осыпала ее ласками и настолько явно старалась сблизить ее с Раулем, что ошибиться насчет ее дальнейших намерений было не трудно: подобное отношение пробуждало в душе Антуанетты смутную тревогу, а у графа сожаление и злость. Накануне свадьбы все собрались на террасе. Вошедшая княгиня взглянула на сияющего сына, сидевшего подле Валерии и помогавшего ей вязать букет.

– Вот уже пятнадцать лет, друзья мои, не выезжала я из замка, а нынешнюю зиму думаю провести в Пеште. Во-первых, чтобы быть ближе к сыну, который возвращается в полк, а затем... может быть, Рауль женится и мне выпадет второй раз счастье справить свадьбу.

– Не слишком ли ты торопишься со своими планами, – возразила Антуанетта. – Рауль будет совершеннолетним еще только через три месяца, а потом мне кажется, что он еще слишком юн для женитьбы.

Рауль обернулся красный, как вишня. Глаза его блестели, и губы нервно вздрагивали.

– Кто это утверждает, что я слишком молод для женитьбы? Дорогая Антуанетта, Рудольф всего на четыре года старше меня, а вы его нашли достойным вас. Позвольте вам заметить, что вы ошибаетесь, а мама как всегда права, находя, что мне пора пристроиться.

Возмущенное негодование юноши вызвало общий смех.

– Успокойтесь, кузен, я ничего больше не говорю, – ответила Антуанетта. – Видя, что вы расвирепели как лев, я беру свои слова обратно и объявляю вас вполне зрелым для брака. Кто бы мог подумать, тетя, что у нашего святого повсюду уши. А я думала, что он ничего не видит и не слышит...

– Ничего, кроме Валерии, – закончила княгиня, с восторгом глядя на оживленное лицо сына.

Настал, наконец, торжественный день. С утра в замке было радостное оживление. Прислуга суетливо бегала взад и вперед, развешивая гирлянды, флаги и шкалишки; в садах готовили иллюминацию и фейерверк, огромная оранжерея, примыкавшая к приемным комнатам, преобразовалась в волшебный зимний сад, с дорожками, усыпанными песком, с тенистыми уголками и зеленой чащей померанцевых деревьев. Но в комнатах, занимаемых невестой и ее подругой, еще царила безмолвная тишина. Антуанетта пожелала провести последние часы девичества в одиночестве и покое до прибытия барышень, которые должны были ее одевать. Она помолилась, а затем Валерия, отослав горничных, сама помогла ей одеться; она обула ее, причесала пышные волосы и накинула пеньюар, который она должна была сменить на роскошное, отделанное кружевами платье, разложенное на диване. Обе были молчаливы: невеста думала о предстоящей великой минуте, а Валерию волновали самые разнообразные чувства. Накануне брат передал ей портрет Самуила и письмо, в котором тот описывал все, что делал, о чем думал со времени ее отъезда; он добавлял, что отец фон Роте был спешно вызван в Рим, где пробудет две-три недели, а ему оставил работу, но все же обещал, что его отсутствие не задержит крещения.

– Мне надо с тобой посоветоваться, – обратилась, наконец, Валерия к своей подруге, подсаживаясь к ней. – Вот погляди, – продолжала она, взяв со стола футляр и подавая его Антуанетте. – Сегодня утром княгиня позвала меня к себе и подарила мне это ожерелье, говоря, что любит меня, как родную, и смотрит, как на свою дочь.

Антуанетта открыла футляр. На черном бархате лежало несколько ниток бесподобного жемчуга с сапфировой застежкой.

– Какое великолепие, – проговорила она, – и вежливость требует, чтобы ты одела его сегодня. Но ты озабочена, Валерия. Этот подарок заставляет тебя заключить, что княгиня одобряет любовь к тебе Рауля, которую тот не скрывает.

– Так ты тоже заметила, что этот сумасброд выказывает мне чересчур явное и нежелательное расположение? Я избегаю его насколько возможно, но не могу же я быть невежлива относительно сына княгини, она так ко мне внимательна. Хотя в словах Рауля нет ничего определенного, но его взгляды, которые всюду следят за мной, тяготят меня; в его присутствии я чувствую как бы гнет над собой и хотела бы скорей уехать отсюда, даже сегодня, а не завтра. Дружба княгини с отцом мне кажется подозрительной, равно как и отеческий тон отца к князю. Боже мой, что выйдет из всего этого? Что если Рауль сделает мне предложение? Посоветуй, Антуанетта, что мне тогда делать?

– Будь спокойна, – отвечала госпожа Эберштейн, целуя ее. – Ты, несомненно, нравишься Раулю. А почему бы ему не выразить своих чувств, раз ему неизвестны ваши отношения с Самуилом и ваша помолвка? Хотя я не думаю, чтобы он теперь сделал тебе предложение, вернее, он оставит его до зимы, а до тех пор известие о твоей свадьбе рассеет его мечты. В худшем случае, можно все доверить тете, имеющей влияние на сына, чтобы заставить позабыть увлечение молодости. Потом я уверена, что папа и Рудольф никогда не допустят этого. Они знают, что ты должна выйти за Самуила, и что с этим браком связана честь нашего имени.

– Да, по крайней мере, честь данного слова, – прошептала Валерия.

– Теперь, дорогая, позвони горничной. Уже около пяти, а венчание назначено на семь, и скоро слетятся наши приятельницы.

Валерия оканчивала одеваться, когда донеслись говор и смех, а затем целый рой молодых барышень ворвался в комнату и окружил невесту.

Обряд венчания был торжественно совершен в церкви замка, затем новобрачные принимали поздравления и при звуках оркестра и громких «ура» открыли бал, после чего танцы следовали один за другим, а оживление возрастало по мере того, как шампанское горячило головы.

После вальса Валерия, опираясь на руку Рауля, вышла в зимний сад, феерически освещенный лампами, скрытыми в зелени; оба были оживлены танцами. Князь провел ее к отдаленной группе деревьев, посадил на зеленую бархатную скамейку, изображавшую дерн, и сам сел возле нее. Валерия обмахивала веером разгоряченное лицо, а князь любовался ею, несколько не скрывая своего благоговейного восторга. Вдруг он опустился на колени, схватил ее руку и страстно проговорил:

– Валерия, ангел мой, я люблю вас больше жизни! Согласитесь быть моей женой или дайте умереть у ваших ног.

– Бога ради, князь, встаньте, – умоляла Валерия, побледнев от волнения. – Вас могут увидеть!.. То, о чем вы просите, невозможно.

– Невозможно! – повторил он недоверчиво. – Я не встану, пока не услышу моего приговора. Вы отвергаете меня, потому что я вам антипатичен или потому, что сомневаетесь в моих чувствах?

– Встаньте, Рауль, и сядьте возле меня, – молила она со слезами на глазах.

Он машинально повиновался и сел снова на скамейку, глядя на Валерию с выражением такой мучительной скорби, что сердце ее сжалось.

– Ни одной из названных вами причин нет налицо, в данном случае, кто более вас заслуживает любовь и симпатию, и почему я могу сомневаться в ваших чувствах или быть опрометчивой в словах? Если бы три месяца тому назад вы сказали мне то же самое, я отдала бы вам свою руку с радостью, но теперь должна вам сказать: я не могу быть вашей женою, так как я уже не свободна.

Мертвенная бледность покрыла лицо Рауля.

– Так я опоздал! Но кого же вы любите? Кто этот избранник? Отчего ни ваш отец, ни ваш брат не сказали никому об этом? – Он наклонился к ней, с жадным беспокойством засматривая в ее глаза.

Но Валерия молчала. Да, никто не упомянул о Самуиле и о позорной сделке, которая обязывала дочь графа Маркоша выходить замуж за крещеного еврея. Ей тяжело было признаться князю Орохаю, что своим замужеством она платила за беспутство отца и брата. Как могла она ему сказать: «Я предпочитаю человека неизвестного, принадлежащего к презираемой расе». Какими бы глазами взглянул на нее этот гордый аристократ, который мог бы еще допустить, соболезнуя ей, необходимость, вынуждающую ее к такому поступку, но никогда бы не простил и не понял ее любви к человеку, столь не равному ей. Сильная борьба поднялась в слабой, колеблющейся душе Валерии, все предрассудки общества, с которыми она свыкла, ожили в

ней, и ей было стыдно самой себя и своей любви; ни за что на свете не сказала бы она Раулю того, в чем не призналась даже своей лучшей подруге, боясь прочесть в глазах Антуанетты недоверие, удивление и осуждение. Властный взгляд Самуила, порабощавший ее, был далеко, и она снова подчинилась чувствам гордости и ложного стыда.

Валерия свыклась с мыслью, что на нее смотрят как на жертву, и ее приветливость к жениху принимают за долг необходимости; но у нее не хватало духа сказать: «Мы поняли друг друга, и я люблю этого великодушного честного человека». Несколько минут продолжалась внутренняя борьба и, наконец, гордость восторжествовала. Тихим, дрожащим голосом Валерия сказала:

– Нет надобности называть человека, за которого я выхожу замуж, вы его не знаете, так как он не бывает в нашем обществе. Но я должна вам сказать, что необходимость заставила меня сделать этот выбор; честь моей семьи и данное слово связывают меня с ним неразрывно. Если вы меня любите, Рауль, не мучьте меня и забудьте эту мимолетную мечту; я не могу изменить того, что сделано. – Она встала и поспешно ушла из сада, оставив Рауля в полном отчаянии. Молодой князь был избалован счастьем, все в жизни ему улыбалось, а каждое его желание и даже каждый каприз исполнялись немедленно. Эта первая, но тяжелая неудача показала ему выше его сил. Закрыв лицо руками, он прислонился к спинке скамьи, и крупные слезы покатались из его глаз. Поглощенный своим горем, он не слышал шума приближающихся шагов и говора голосов, но к счастью Рауля, то была его мать. Опираясь на руку графа Маркоша, она пришла сюда отдохнуть. Увидев князя в слезах и отчаянии, граф остановился, пораженный увиденным, а княгиня, побледнев от испуга, кинулась к сыну.

– Что с тобой, дорогой мой? – спросила она с беспокойством. – Не болен ли ты?

Рауль порывисто встал и, подавив душившие его слезы, подошел к графу.

– За кого заставляете вы Валерию выходить замуж, чтобы спасти честь вашего имени? – спросил он еще дрожащим от волнения голосом. – Что за роковая необходимость связывать ее с человеком, которого она даже не хотела назвать по имени?

– Рауль, ты говоришь неясности! – перебила его пораженная княгиня, но взглянув на бледное, изменившееся лицо графа, убедилась, что сын ее коснулся свежей раны.

– Друг мой, я бы мог обидеться этим странным приемом, требовать отчет в моих действиях, – сказал граф, овладев собой, – но ваше душевное состояние служит вам извинением. С прискорбием я должен вам подтвердить, что вот уже два месяца как Валерия – невеста банкира Мейера. По весьма уважительным причинам, данное обещание не может быть нарушено, несмотря на отвращение, которое этот брак мне внушает.

С глухим стоном вырвался Рауль из рук матери, которая силилась его удержать, и убежал из сада.

– И вы молчали до сих пор о таком важном деле, граф? – проговорила княгиня, опускаясь в изнеможении на диван. – А между тем нам нужно найти средства выйти из этого критического положения.

– Да, княгиня, если бы такое средство существовало, я бы, конечно, воспользовался им прежде, чем решиться выдать графиню Маркош за крещеного еврея; но, мне кажется, теперь не время толковать о столь запутанном деле.

– Вы правы, друг мой, мы поговорим с вами об этом завтра утром, а теперь пойдёмте поглядим, что делает Рауль. В возбужденном состоянии он способен на какое-нибудь безумие.

Несмотря на слабость в ногах, она снова взяла под руку графа, и они вместе обошли все залы, галереи и террасы, но Рауля нигде не было.

Видя, что его спутница еле держится на ногах и может каждую минуту упасть в обморок, граф подвел ее к креслу.

– Успокойтесь, дорогая княгиня, и не бойтесь. Юная любовь пылка, но быстро проходит, как летняя гроза. Я позову Рудольфа, он мигом найдет огорченного князя, который, вероятно, плачет и мечтает где-нибудь за кустом.

Рудольф был найден и послан на розыски.

– Найди, дорогой, этого полоумного и вразуми, – сказал старый граф. – Убеди его вернуться к гостям, а то его мать мучается беспокойством.

Молодой граф немедленно отправился и, не найдя его в замке, прошел в сад, где в эту минуту никого не было, хотя все аллеи были освещены; но и там Рауля не оказалось. Встревоженный Рудольф направился в конец парка к озеру; там, на искусственном островке возвышался маленький, ярко освещенный павильон. У берега одна из гондол была отвязана и виднелась теперь у подножия лестницы, ведущей в павильон. Рудольф вскочил в гондолу и быстро переплыл к острову. Но и в павильоне никого не было. Он обошел окружавший павильон садик. Там находился грот, в глубине которого мраморная нимфа держала в руке зажженный фонарь, и пламя его отражалось в струях фонтана, каскадом ниспадавшего в озеро. Полоса света, тянувшаяся из грота и озарявшая бледным светом деревья и берег, дала возможность Рудольфу рассмотреть какую-то темную фигуру на траве, в двух шагах от воды. Наклонясь, он увидел, что это был князь, который, закрыв голову руками, ничего не видел и не слышал.

– Рауль, приди в себя и будь мужчиной, – говорил ему Рудольф, толкая его и почти силой поднимая на ноги. – Как можно лежать на сырой траве, ведь ты же простудишься; твоё исчезновение будет неизбежно замечено, что подумают гости? Успокойся, мой бедный друг, – присовокупил он, увидев изменившееся лицо князя. – Как каждый мужчина, ты должен уметь примириться с неизбежным; не теряй же мужества и подумай о своей бедной матери. Жизнь полна таких неожиданных случайностей, что не следует падать духом. Судьба устроит твоё счастье.

Эти слова, казалось, подействовали на Рауля; он оправил свой туалет и пригладил волосы.

– Ты прав, – сказал он спокойным голосом. – Нет надобности, чтобы все знали о моем полнейшем поражении. Пойдем.

Они молча вернулись в замок, но проходя зал, где находился буфет с прохладительными напитками, Рауль спросил бокал замороженного шампанского и выпил его залпом.

– Что ты делаешь? – сказал Рудольф, вырывая у него из рук бокал, который он хотел наполнить снова. – Ты так разгорячен, а пьешь ледяное вино.

Ничего не отвечая, Рауль пошел дальше. Когда он вошел в танцевальный зал, им овладело лихорадочное оживление. Никогда, быть может, он не был веселее, блестяще и с увлечением принимал участие в танцах. Чтобы заглушить внутренний огонь, пожиривший его, он глотал мороженое порцией за порцией и пил вино со льдом. К Валерии он не подходил и за ужином сел на противоположном конце стола.

– Он дивно красив, – говорила себе Валерия, глядя на лихорадочно горевшее лицо князя и сравнивая его со своим женихом, – но все же в его глазах нет такого огня, который покоряет, лаская, нет энергии, составляющей главную красоту мужчины. Нет, нет, Самуил, я остаюсь тебе верна! Пусть они презирают меня, эти гордые аристократы, ты один дашь мне счастье!

Когда на другой день Рудольф вошел к себе в уборную, то, к величайшему удивлению, увидел там старого камердинера Рауля. Слуга, взволнованный и бледный, по-видимому, ожидал его с нетерпением...

– Простите меня, граф, что я беспокою вас в такую пору, – сказал он почтительно, – но мне кажется, что князь Рауль очень болен. Вчера, ложась спать, он был чрезвычайно разгорячен, приказал открыть все окна, и выпил в четверть часа целый графин холодной воды. Боясь, что князь заболит, я не ложился спать и видел, что он всю ночь метался в постели, а к утру у него сделался сильный озноб, и я укрыл его одеялом. Теперь у него опять жар, и мне кажется, что он меня не узнает. Конечно, я могу ошибиться и потому пришел просить ваше сиятельство пожаловать взглянуть на положение князя. Может, надо будет доложить княгине.

Встревоженный Рудольф оделся наскоро и поспешил в комнату Рауля. Тот лежал с воспаленным лицом, полуоткрытыми глазами, бессознательным взглядом и тяжело дышал. Рудольф приложил руку и пощупал пульс.

– Велите, – обратился он к камердинеру, – послать скорее верхового за доктором: болезнь может быть опасной. Я пойду сказать жене, чтобы она предупредила княгиню, и тотчас вернусь.

– Боже мой! Какое несчастье, – горевал камердинер, служивший еще отцу Рауля, и бросился выполнять приказание.

Антуанетта еще одевалась и покраснела, когда вошел муж. Увидев его озабоченный вид, она встревожилась.

– Что случилось? Что с тобой?

– Самое скверное, что могло случиться. Рауль тяжело заболел. Вчера он простудился, очевидно, а вместе с полученным нравственным ударом это вызвало горячечное состояние; он весь горит, как уголь, и никого не узнает. Я уже послал за доктором, а ты, поди предупреди княгиню, но осторожно, и обнадежь ее.

Слух о болезни молодого князя облетел замок. Когда прибывший врач нашел болезнь тяжелой, посторонние гости поспешили разъехаться. На княгиню жалко было смотреть. Мысль лишиться своего единственного сына сводила ее с ума, бледная, растерянно глядя на изменившееся лицо Рауля, она сидела неподвижно у его постели, безучастная ко всему окружающему. Один лишь раз произнесла несколько слов, и это было приказание послать за доктором Вальтером, старым, оставившим практику врачом, другом дома, в которого она верила. Рудольф и Антуанетта не отходили от больного, состояние которого заметно ухудшалось. В бреду он не переставал говорить о Валерии и о своем сопернике, которого хотел уничтожить, во что бы то ни стало.

Доктор Вальтер приехал по просьбе княгини и поселился в замке. Он хорошо знал натуру Рауля, и благодаря принятым мерам лихорадочное состояние стало уменьшаться, а на шестой день совсем прекратилось, но сменилось полнейшим упадком сил. Все вздохнули свободно. Однако на второй день после этой перемены доктор сказал с озабоченным видом:

– Считаю долгом предупредить вас, княгиня, что настоящее положение князя серьезнее, чем горячка и бред. Эта апатия и постепенный упадок сил должны, мне кажется, быть следствием сильного нравственного потрясения. Если нам не удастся достигнуть спасительной реакции, то дело может дурно кончиться.

В отчаянии княгиня рассказала доктору все подробности несчастной любви Рауля, которую она поощряла, не предполагая, что может существовать препятствие к их свадьбе.

– И вы думаете, доктор, – закончила она, – что если бы Валерия явилась у изголовья Рауля и объявила ему, что согласна быть его женой, это произвело бы спасительную реакцию?

– Не могу вам в этом ручаться, но это предположение имеет более всего шансов на успех.

– В таком случае, она сегодня же должна одеть обручальное кольцо. Нет такого препятствия, преодолеть которое я не нашла бы сил, чтобы спасти моего сына!

Княгиня решительно встала и, пройдя в свой кабинет, послала немедленно просить к себе графа.

Когда пришел граф, она усадила его рядом на диван и передала ему весь разговор с доктором.

– Объясните мне, наконец, – сказала она, – что заставило вас решиться на неравный брак Валерии, и постараемся придумать средство возвратить ей свободу.

– Разумеется, я не могу желать для дочери более блестящей партии, чем Рауль, – ответил граф, краснея. – Но то, что я должен вам рассказать, для меня так тяжело, что я предпочел бы пустить себе пулю в лоб, и на ужасный брак смотрю, как на божье наказание за свои увлечения. Пусть же и мое признание послужит мне наказанием!..

– Так ради денег мы принесем жертву, вы – будущность Валерии, а я – жизнь моего сына! – воскликнула княгиня, когда граф окончил свой рассказ. – Нет, нет, граф, в такую важную минуту отложим всякую щепетильность. Отец и мать должны думать только о своих детях. Я призову моего управляющего, и вы уговоритесь с ним относительно этого долга. Сегодня же надо уплатить наглomu ростовщику и чтобы о нем не было более речи. Затем мы устроим это дело так, чтобы для вас не было ни затруднений, ни стеснений, как это делается всегда между порядочными людьми.

Глубоко тронутый, граф прижал к губам руку княгини.

– Я был бы безумным и неблагодарным против бога и вас, княгиня, если бы с признательностью не принял ваше предложение. Теперь надо позвать Рудольфа с женой, мы переговорим сперва с ними, а потом позовем Валерию.

Молодая чета не замедлила явиться, и граф с княгиней сообщили им о своем решении.

Рудольф страшно обрадовался, когда услышал в чем дело, но взглянул на жену и стал крутить усы.

– Дорогой папа, и вы, тетя, – сказала Антуанетта, краснея от волнения, – я думаю, что ваше решение не исполнимо. Самуилу дали слово, вот уже два месяца, как он жених Валерии и готовится принять христианство, поступить с ним, как вы хотите, значило бы обмануть его...

– Обмануть! – крикнул граф, вскакивая с дивана, красный от негодования и злости. – Ты позволяешь себе называть обманом, когда человек самым законным образом защищает себя от разбойника, который с ножом к горлу говорит вам, не «деньги или жизнь», что было бы простительно, а «честь или жизнь».

– Вспомни, какие условия нам поставили, вспомни день, когда эта надутая чванливая собака явилась в качестве жениха. Ты забыла, в каком отчаянии была Валерия. И она, конечно, будет счастлива своему освобождению. Мне очень прискорбно, милая моя, что ты еще так мало уважаешь имя, которое носишь, придумываешь какие-то препятствия. Пойди, пожалуйста, скажи Валерии, что ее зовет будущая мать, и мы вместе решим, когда ее появление может лучше подействовать на нашего дорогого больного.

– Вы ошибаетесь, папа, – возразила с волнением, не трогаясь с места, Антуанетта, – предполагая, что Валерия обрадуется этому разрыву, я имею основания думать, что она любит Самуила Мейера, что перед нашим отъездом между ними было решительное объяснение, и она откажется нарушить данное слово. Чтобы не дать вам повода заподозрить мое влияние на нее, я не пойду за ней, велите позвать ее сейчас же и судите сами. Но позвольте мне еще сказать вам, что я не нахожу благородным такой способ спасти Раулю жизнь, которая в руках божьих.

– Что ты говоришь?! – воскликнула княгиня с удивлением. – Ты серьезно думаешь, что Валерия может предпочесть Раулю ростовщика-еврея?

– Успокойтесь, дорогая княгиня, – перебил граф, – если она и права, в чем я сильно сомневаюсь, то это не более как одна из тех фантазий, которая порождает праздный ум молодой девушки. Думая, что она неизбежно связана с Мейером, который, впрочем, красив и умен, великодушие Валерии стало изыскивать все благоприятные стороны своей жертвы. Кроме того, женщина бессильна против любви. Пылкая упорная страсть этого человека могла ее ослепить и покорить, но достаточно будет сказать ей, что жертва ее не нужна и что такой человек, как Рауль, будет ее мужем, чтобы образумить ее. Теперь, Рудольф, позвони и вели позвать Валерию, ее ответ положит конец нашим спорам.

Молодая девушка задумчиво сидела у себя в комнате. Ее тяготила мысль, что она была невольной причиной несчастья, поразившего княгиню. Она чувствовала себя лишней, потому что ее одну не звали к постели больного. А каково было бы ее положение, если бы Рауль умер! Между тем, ей не приходило на ум, что она могла спасти его, сделавшись его невестой; ее сердце и все ее мысли принадлежали Самуилу.

Когда на зов отца Валерия вошла в будуар княгини, она была поражена, увидев, что все собравшиеся были чем-то встревожены. Она побледнела и сжала рукой медальон, спрятанный у нее на груди, как будто заключенный в нем портрет мог дать ей силы против мрачного предчувствия, сжавшего ей сердце.

– Валерия, – обратилась к ней княгиня, сажая ее возле себя и прижимая ее к груди, – жизнь Рауля в ваших руках.

– Боже мой, что вы говорите, княгиня? – прошептала молодая девушка со слезами на глазах. – Я являюсь невольной причиной его болезни и мне очень тяжело; но я ничего не могу сделать для бедного Рауля, которого люблю как брата.

– Ошибаешься, дитя мое, ты много можешь сделать для него, – вмешался граф. – Благодаря соглашению, охраняющему нашу честь и интересы, мы отделались от тяжелых обязательств, тяготевших над нами. Через несколько дней банкиру Мейеру будет уплачено сполна; жертва, которую ты приносила, движимая дочерней любовью, становится излишней. Ты свободна и будешь невестой нашего доброго красавца Рауля. Это известие возвратит ему здоровье и жизнь.

Валерия вздрогнула и порывисто встала.

– Но, отец, это невозможно! Никто иной, кроме Самуила, не будет моим мужем; я клялась быть ему верной и сдержу свое слово, несмотря на его происхождение и на предрассудки света.

Взгляд, брошенный Антуанеттой на графа, ясно говорил: «Вы видите, что я была права». Этот взгляд и непривычное упорство дочери, которая, скрестив руки, казалось, готова была защищаться, сильно взволновали раздражительного графа.

– Ты с ума сошла! – крикнул он, схватив изо всей силы руку Валерии.

Но княгиня отстранила его.

– Оставьте ее! – твердо сказала она. – Насилие никогда никого не убеждало; а вы одумайтесь, бедная моя девочка. То, что вы говорите, – неразумно, Я уважаю вашу самоотверженность, хотя вы и не сознавали всего значения вашей жертвы, но теперь, когда эта жертва излишня, так как выйдете вы за Мейера или нет, а мы уже окончательно сговорились с вашим отцом насчет его дел, – вы все-таки не хотите от нее отказаться? Подумали ли вы, какой скандал возбудит в свете подобный выбор, что он не будет освящен более вашей любовью к семье. Многие дома закроются для жены банкира-еврея, который сам, быть может, и достойный человек, но отец которого хорошо известен как составивший свое колоссальное состояние разными темными делами. Одумайтесь, дитя мое, и отряхните с себя вредные мечтания; они зародились в минуту тоски, а хитрый энергичный человек искусно воспользовался ими, чтобы проложить себе дорогу в высшее общество, двери которого перед ним закрыты. Вы говорите, что он имеет в виду креститься, но только при вашей житейской неопытности можно верить в искренность его обращения; весьма многие и печальные примеры доказывают, что еврей никогда действительно не отречется от веры своих отцов. В глубине души Мейер останется всегда верен своим братьям, которых вы должны будете принимать, а их присутствие, манеры и взгляды на жизнь будут для вас невыносимы. А ваша супружеская жизнь? Подумали ли вы, что она вам готовит, если вы добровольно присоединитесь к этому народу, отрезанному от нас стеной непреодолимого разномыслия. Когда мечты любви, пленяющие вас, исчезнут, а исчезнут они через каких-нибудь несколько месяцев, и действительная жизнь войдет в свои права, что тогда вам останется? Вы будете одиноки, изгнаны из общества, в котором родились и для которого воспитывались, а тот, для которого вы пожертвуете всем, муж ваш, неизменно сбросит с себя в домашней обстановке и жизни лоск, делающий его с виду как бы равным вам. Не забудьте, что этот человек из народа, из грязной омерзительной еврейской семьи и воспитан отцом во всех плутнях, в идеях непрременной наживы. Богатство евреев есть плод непосильных трудов, несчастья, разорения и даже смерти крестьян. И этот финансист, несмотря на свою молодость так хорошо ведущий свои дела, конечно, не будет иметь времени разыгрывать роль влюблен-

ного мужа, пресытись громкой честью быть женатым на графине Маркош, обманутый в своей надежде сделаться равноправным членом нашего общества, скоро охладет и, достойный приемник своего отца, подобно ему станет раскидывать сети, в которые будут попадаться жертвы его корысти.

Не качайте отрицательно головой. Вы сами, Валерия, живой пример того, что я утверждаю. Разве этот страстный поклонник не забыл хладнокровно собрать все обязательства вашего отца и брата и, таким образом, не стал самовольно располагать вами? Можете ли вы, по совести, утверждать, что когда вам сказали в первый раз, что он требует вас к себе в жены, вы с радостью дали свое согласие? Разве вы не противились этому? Разве гордость ваша не возмущалась, сердце не содрогалось при мысли, что вы будете принадлежать этому человеку?

Рудольф слушал и возмущался, переживая в душе все вынесенные оскорбления, дерзкое письмо Самуила, потом унижительное свидание, когда он, граф Маркош, шел через весь банк, под перекрестным огнем любопытных взглядов клерков, выслушивать наглое требование банкира, чтобы сестра замужеством спасла родовую честь. В эту минуту он вспомнил о разговоре накануне с Антуанеттой, которая имела неосторожность рассказать ему о вечернем посещении Валерии, – и негодованию его не стало границ.

– Стыдно тебе, Валерия, – сказал он, – когда ты так упорно защищаешь его в своем ослеплении. Ты разве забыла, как ты умоляла его дать отсрочку, и этот негодяй отказал, оставляя тебе выбор между ним и бесчестьем.

– О чем ты говоришь? – спросил с изумлением граф.

– Ах, папа, это не идет к делу, – перебила Антуанетта, с неудовольствием взглянув на мужа. – Рудольф болтает вздор.

Валерия ничего не отвечала. В изнеможении она оперлась на стол и закрыла лицо руками. Слова княгини как бы черной завесой разделили ее с Самуилом. Тоскливо припомнила она непобедимое отвращение, которое заставляло ее предпочитать смерть этому супружеству, и ту минуту, когда она на коленях умоляла о свободе, а каменное сердце Самуила оставалось бесчувственным к ее мольбам. «Потому, что он тебя любит», – шептал ей внутренний голос. «Из упрямого честолюбия», – подсказывал другой. И если ее будущность, изображение княгиней, была таковой, если ее любовь к этому красивому умному человеку была лишь сном, от которого она должна пробудиться, но слишком поздно, что станет с ней? Она увидит себя презираемой, исключенной из общества, которое будет указывать на нее пальцами за чудовищную неравность брака, будет глумиться над ее безумным, нелепым выбором. Ведь с той минуты, как княгиня вошла в согласие с ее отцом по поводу его денежных дел, супружество ее перестанет быть жертвой, и не будет иметь другой причины, кроме ее собственной воли. Валерия содрогнулась; но образ Самуила еще раз восстал, торжествующий, перед ее мысленным взором. Он... он верил слепо, он отдал ей бумаги, и она клялась ему в верности...

– Нет, нет! – произнесла она разбитым голосом. – Самуил не бесчестен и не алчен, как его единоверцы; он не желал иной связи между нами, кроме любви и моего честного слова, так как отдал мне все обязательства отца и Рудольфа, чтобы я их уничтожила. Итак, требуйте от меня какой хотите жертвы, я всему подчинюсь, только не требуйте измены, клятвопреступления. Я не способна на такую низость.

– Он отдал тебе долговые бумаги? – вскрикнули все в голос. Но, не обращая внимания на их слова, Валерия повернулась и убежала.

– Этот плут хитрей, чем я мог предполагать. Он действовал с глубоким знанием великодушного и восторженного характера Валерии, – сказал граф. – Тем не менее, ваши слова, княгиня, произвели на нее хорошее действие, и я не сомневаюсь, что мне удастся рассеять ее детские сомнения. Я пойду поговорю с ней, возьму у нее все бумаги для передачи управляющему вашими делами, а затем надеюсь привести к постели Рауля ее – невесту.

– Помоги вам и вразуми вас бог, – проговорила со вздохом княгиня. – Теперь я пойду к своему больному.

– Боже мой! Что же ты хочешь делать, отец? – спросила с беспокойством Антуанетта, как только ушла княгиня. – Ты не можешь, однако, принудить Валерию...

– Перестань, – перебил ее Рудольф. – Никто и не думает ее приневоливать, но если отец хочет употребить все меры убеждения, чтобы заставить ее отказаться от ее нелепого упрямства, то он вполне прав. Разве не безумие отвергать такую партию, чтобы выйти за этого отвратительного еврея? Признаюсь теперь, что предвкушение скандала, ожидавшего нас, если этот брак состоится, стоил мне не одной бессонной ночи. Я дрожу от всех этих удивлений, пересудов и любопытствующего выкапывания подлинных причин этой чудовищной свадьбы. Тогда расстройство наших дел не утаишь, и нас покроет позор, что мы продали Валерию темной личности. Так вот, когда я подумаю, что всех этих неприятностей можно избежать замужеством феи с человеком, которому позавидует всякая женщина и который бы заместил этого еврейского Ромео, я вполне присоединяюсь к мнению о необходимости разубедить сестру. Прошу тебя, дорогая, помочь нам влиянием твоим на нее.

– Нет, мой друг, я этого сделать не могу, – качая головой, ответила решительно графиня. – Прежде всего, я не могу отнестись так грубо, с презрением к человеку, которого мы приняли в нашу семью как будущего родственника и который искупил свою вину отчасти тем, что отдал до свадьбы долговые обязательства, полагаясь на наше слово. Во-вторых, я твердо убеждена, что такое дело, если оно и устроится, не даст нам счастья, как нечестное, а в будущем принесет крупные неприятности. Чтобы вы ни говорили, как бы вы ни старались унизить его в ее глазах, Валерия любит этого человека и никогда его не забудет, так как Самуил обладает той спокойной силой, той увлекающей страстью, которые покоряют женщину. Это – не какой-нибудь заурядный человек, но мощная натура, глубокий ум, сумевший сильно заинтересовать собою. Валерия Мейера любит, и Рауль не способен заставить забыть его, несмотря на свою неоспоримую красоту. Кузен мой слишком молод, слишком привык быть любимым, чтобы составить себе ясное понятие о положении дела и иметь терпение мало-помалу овладеть сердцем Валерии. Сначала он будет всем доволен, но со временем поймет, что не нашел в жене всего, на что надеялся, и они не будут счастливы в супружестве. А если, на беду, Рауль узнает, что Валерия носит в своем сердце образ своего бывшего жениха, что тогда будет? Словом, делайте, как знаете, но я отказываюсь влиять на Валерию.

– Никто тебя к этому не принуждает, милая моя, – сказал старый граф, с неудовольствием. – Этот восторженный панегирик убеждает меня, что «мощная натура» господина Мейера покорила и тебя так же, как Валерию, и что ты была бы рада играть роль в скандальной хронике. Не забывай только, что имя и репутация твоего мужа тоже подвергнутся злословию. Я всегда считал тебя рассудительнее Валерии, и как замужняя женщина ты должна была бы еще лучше все понимать, а ты, к моему великому удивлению, девичьи мечтания, романтические бредни пансионерки, которая интересничает ролью героини и, для большего эффекта, непременно желает пристегнуть и несчастную любовь, оправдываешь.

– Ты не прав, папа, – спокойно и серьезно ответила она, – обвиняя меня в легкомыслии, и думаю, что слишком много придаешь значения светской болтовне. Я сама люблю и потому понимаю, как трудно вырвать из своего сердца образ любимого человека. Каким бы глупым не казалось такое чувство людям рассудительным, оно так упорно, что если его вырвать насильственно, то в душе образуется пустота, которую ничем не заполнишь. Я знаю, что если бы попытались разлучить меня с Рудольфом, то я защищала бы свою любовь до смерти, и не считала бы себя от этого безумной.

Осчастливленный ее словами, Рудольф схватил руку жены и признательно поцеловал, а старый граф с улыбкой взглянул на них.

– Положим, что я был немного резок но, дитя мое, я в свою очередь замечу тебе, что твоя любовь такова, что свет и родители охотно поддержат и благословят. Другое дело Валерия: я продолжаю утверждать, что чувства ее – вредные мечтания, лишь равенство происхождения и общественного положения дает прочное счастье. Поэтому мой долг – спасти ее от непоправимого безумия.

Валерия вернулась в свою комбату взволнованная, голова ее кружилась, и сердце мучительно сжималось; обессиленная, она упала на диван и разразилась рыданиями. Когда прошел этот первый приступ скорби, она стала обдумывать свое положение. Вокруг нее все было темно и мрачно, она должна была бороться: ведь она клялась Самуилу доказать, что не стыдится его, что глубокая соединяющая любовь будет служить ей наградой за ложные убеждения и презрение света. Но как тяжела борьба против своих близких! С глубоким вздохом взяла она медальон. Большие темные глаза Самуила, казалось, глядели на нее с упреком, напоминая данную ею клятву. Невольно она стала сравнивать этих двух людей, между которыми должна была сделать выбор, и нежное лицо Рауля, его бархатные задумчивые глаза померкли перед этим бледным, мужественным лицом, его пламенным взглядом и строгими устами, которые словно говорили: «Никакая борьба не заставит меня отступить».

– Нет, нет, Самуил, я останусь тебе верна, – шептала она, прижимая портрет к губам. – Чувство Рауля – минутная вспышка, первая любовь, которая угаснет так же быстро, как появившаяся ракета. Он скоро забудет меня; но для тебя, Самуил, потерять меня, было бы смертельным ударом.

Легкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

– Войдите, – сказала она, пряча медальон.

При виде отца она встала в волнении.

– Садись, дитя мое, – сказал граф, опускаясь подле нее на диван, – и будь спокойна. Богу известно, как мне тяжело видеть твои слезы, как отец, я обязан поговорить с тобой еще раз, прежде чем ты оттолкнешь от себя окончательно твое действительное счастье ради воздушных замков, о которых грезит твоя молодая душа. Я не хочу насиловать твою волю, я хочу только, опираясь на мою опытность, представить тебе в настоящем свете то, на что ты смотришь ошибочно, а мешкать с этим нельзя. Ты уже не ребенок, и как умная дочь поймешь меня. Каждый человек должен жить настоящей деятельной жизнью, а не в мире иллюзий, и эта действительность требует, чтобы мы подчиняли наши чувства рассудку. Общество, к которому мы принадлежим по рождению и нашему воспитанию, налагает на нас обязательства, которые мы не можем безнаказанно нарушить. Уважаемое, ничем не запятнанное имя, завещанное нам предками, мы обязаны передать во всей чистоте нашим потомкам; девушка твоего положения не может располагать своим сердцем как какая-нибудь мещанка... Твой непонятный выбор возбудил бы общее внимание, и если бы обнаружилось положение наших дел, все показывали бы пальцем на твоего отца и твоего брата. Не перебивай меня, Валерия. Ты хочешь сказать, что пожертвовала собой в первый раз, чтобы спасти нас от позора? Все это правда, и перед твоей совестью у меня нет оправдания. Преступный отец, безумный расточитель, я загубил будущность своих детей и, конечно, для спасения собственной жизни не принял бы наглых условий ростовщика, и ни одной минуты не позволил бы тебе быть его невестой. Но дело касалось также и Рудольфа. Колеблясь между вами двумя, я пожертвовал тобой, мое бедное дитя. Рудольф, молодой и влюбленный, в этом видел спасение, но чего стоили эти два месяца твоему отцу, про это говорят мои поседевшие волосы. Присутствие этого человека в нашем доме, каждая его улыбка, каждое его фамильярное слово, обращенное к тебе, были для меня ударом в сердце. Совесть моя кричала мне: «Ты виноват, ты продал свою дочь!» Все время я искал выхода из этого положения и не пережил бы дня твоей свадьбы.

Валерия глухо воскликнула:

– Отец, что ты говоришь!

– Правду, дитя мое. Неужели действительно ты могла думать, что я буду в состоянии перенести весь этот скандал, злорадное любопытство и насмешки моих завистников? О, никогда, никогда! Нет, лучше умереть! И можешь себе представить, что я чувствую, видя, что судьба посылает нам приличный исход, а ты отталкиваешь его, не хочешь отказаться от человека, с которым не можешь быть счастливой, так как твой брак с ним был бы нашим общим позором. Подумай об этом, дорогая моя, уважь просьбу твоего старого отца и избавь его от горя, которое отравит последние дни его жизни.

Граф замолчал, но две слезы скатились по его щекам, и в голосе его слышалось столько ласки и отчаяния, что решимость Валерии не устояла. С детства она обожала отца и с душевной тревогой глядела теперь на поседевшую голову графа, на глубокие морщины на его лице, еще недавно столь довольном и приветливом. Сердце ее тоскливо жалось.

Что, если, в самом деле, разрушение новых надежд отца приведет его к самоубийству. А если и она принесет в жертву отца, как Самуил принес своего, какое счастье могло расцвести на могиле двух старцев? Глухо зарыдав, Валерия бросилась на шею отцу.

– Нет, нет, папа, живи для меня и будь счастлив! Я надеюсь, что бог не вменит мне в грех мою измену. Я отказываюсь от Самуила и выхожу за Рауля.

– Да благословит тебя бог! – прошептал тронутый граф, прижимая ее к своей груди.

Оба они долго молчали.

– Мне надо идти, дитя мое, – сказал, наконец, граф, глядя ее по русой головке, – не можешь ли ты отдать мне документы?

Валерия молча встала, как во сне, открыла шкатулку, вынула красный бумажник, данный ей Самуилом, и подала его отцу. Когда граф вышел, она упала в кресло и сжала голову руками. Плакать она не могла, одна мысль, что «все кончено», как молотом била ее, затем все слилось в такую скорбь, такое почти физическое страдание, что утратилась самая способность мыслить. Она не слышала, как тихо открылась дверь и в комнату вошла Антуанетта.

При виде оцепенения, в котором находилась молодая девушка, при виде отчаяния в ее лице, слезы досады выступили на лице графини, и она проговорила с горечью:

– Слепой и жестокий эгоизм! И какие плоды принесет он?

Затем она стала на колени около Валерии и обняла ее.

– Бедная моя сестра, плачь на моей груди: понимаю тебя. О, если бы ты, могла найти утешение в нашей взаимной любви.

Валерия вздрогнула. Когда взгляд ее встретился со взглядом подруги, исполненной любви, она почувствовала себя менее одинокой, и, положив голову на плечо Антуанетте, дала волю слезам, которые облегчили ее сердце. Антуанетта дала ей выплакаться, затем уговорила ее лечь и попробовать уснуть. Валерия не сопротивлялась, легла на диван, приняла успокоительных капель, дала распустить себе волосы и прикрыть ноги пледом. Она была так измучена, что скоро заснула тревожным сном. Антуанетта села у изголовья подруги и задумалась. Скорбь Валерии разрывала ей сердце. Прямая, честная душа ее возмущалась при мысли, что от бедной девочки потребовали новой жертвы, после того, как сами же натолкнули на эту любовь. С неменьшим беспокойством думала она о Самуиле, у которого вырвали из рук, то, что уже было его достоянием. Как-то перенесет он потерю страстно любимой женщины и крушение ожидавшегося им счастливого будущего!

Так прошло два часа. Наконец, заметив, что сон Валерии становится спокойнее, что на расстроенном лице ее теперь появилась кроткая улыбка, молодая женщина тихонько вышла из комнаты и нашла мужа в комнате рядом со спальней Рауля.

– Что делает сестра? Отец говорил, что она сдалась на его просьбы.

– Да, но что из этого выйдет – одному богу известно. Я предвижу в будущем много слез, – и она рассказала, в каком положении застала Валерию. – Теперь она спит. А будет ли она в

состоянии принести новую жертву? Что бы ты ни говорил, но мы плохо поступаем в отношении Мейера, и мне его жаль.

– Черт бы побрал всю эту историю, – сердито сказал граф, нервно теребя усы. – Я думаю, что мы бы хорошо сделали, празднуя нашу свадьбу где угодно, только не здесь. Конечно, мне тоже жаль Мейера, который в сущности добрый малый. Между тем, нельзя же жертвовать для этого жизнью Рауля. Кроме того, я никак не думал, что сестра влюбится в Самуила.

Приход доктора прервал их разговор.

– Ну что, доктор? Как нашли вы больного? – спросила Антуанетта.

– Не нахожу никакого улучшения в его положении, графиня, та же апатия, а слабость усилилась. Но княгиня сказала, будто графиня Валерия согласна выйти за князя; признаюсь, на это я возлагаю последнюю надежду. Очень может быть, что присутствие любимой девушки вызовет спасительную реакцию, радость – могучее лекарство, а у молодости неистощимый запас чудесных сил. Но для испытания этого последнего средства времени терять нельзя. Князь пока почивает, но эта сонливость непродолжительна, поэтому, будьте добры, сударыня, предупредить графиню Валерию, что я прошу ее пожаловать к ее жениху. Надо, чтобы он увидел ее, как только откроет глаза.

– Я передам ваше распоряжение Валерии, – и Антуанетта вздохнула. – А не думаете ли вы, доктор, что бедной тете не следует присутствовать при этом свидании?

– Конечно. Ее отчаяние, слезы, которые она не может сдержать, могут вредно подействовать на больного. Впрочем, я уже предупредил княгиню, что никто не должен при этом присутствовать кроме графини Валерии, вас с мужем и меня. Но я боюсь, чтобы он не проснулся, а потому не будем терять времени.

Когда они вошли в комнату Валерии, та уже не спала и с грустной улыбкой протянула ей руку.

– Дорогая моя, в состоянии ли ты сейчас же пойти к постели Рауля? – спросила Антуанетта, целуя ее. – Он бедный не виноват в твоём горе, а ему так худо, что доктор лишь на тебя возлагает всю надежду. Озари его радостью, может быть последней, увидеть тебя, и услышать, что ты согласна быть его женой. Он так глубоко любит тебя, что это счастье вернет ему жизнь.

– Отчего же нет, – отвечала Валерия, опуская голову. – Это будет вполне последовательно, раз мне приходится вновь спасать честь моей семьи, хотя и иным образом. Если у меня хватило мужества подло изменить Самуилу, отчего у меня не станет силы солгать Раулю, сказав, что добровольно выхожу за него, если эта ложь может спасти его жизнь?

Она встала, вздыхая, и равнодушно предоставила Антуанетте заплести свои длинные волосы и привести в порядок туалет. Но уходя из комнаты, Валерия вздрогнула и остановилась.

– погоди, я должна снять кольцо, которое мне дал Самуил. – Она сняла его, поцеловала и спрятала в медальон, который носила на шее. – Теперь, – добавила она, горько улыбаясь, – моя рука готова принять кольцо князя.

В комнате больного царил полумрак, занавеси и портьеры из розового штофа были спущены и лишь лампа, защищенная шелковыми ширмочками, слабо освещала просторную комнату и кровать, на которой неподвижно, с закрытыми глазами лежал Рауль. В изголовье сидела сестра милосердия и, опустив голову, перебирала четки, а в стороне Рудольф разговаривал с доктором. Когда вошли Валерия и Антуанетта, граф подошел к сестре, молча крепко пожал ей руку и подвел ее к кровати; по данному знаку сестра милосердия вышла из комнаты.

При виде перемены, происшедшей в Рауле в течение этих несколькими днями, Валерия в испуге остановилась; он был похож на прекрасную алебастровую статую, его русые волосы, рассыпанные по подушке, точно ореолом окружали исхудавшее лицо, на котором застыло страдальческое выражение, а нежные белые руки, лежавшие поверх одеяла, были холодны и влажны. Искреннее сожаление и живое сострадание пробудились в добром сердце Валерии; забыв собственное горе, она села на край постели и наклонилась тревожно над тем, который

должен был сделаться ее мужем, если будет спасен от смерти. Прошло минут десять, а Рауль лежал неподвижно, и если бы время от времени едва заметное дыхание не подымало грудь, то можно было подумать, что жизнь угасла в его изнуренном теле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.